ЕВА и
МАГИЧЕСКИЕ
СУЩЕСТВА
Обещание гарпии
ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Ева и Магические существа

Дмитрий Емец

Обещание Гарпии

«Емец Д. А.»
2020

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Обещание Гарпии / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2020 — (Ева и Магические существа)

ISBN 978-5-04-099952-1

Волшебный мир отделяет от обычного непроницаемая завеса. Есть Москва и Магсква, Санкт-Петербург и Магтербург — и миры эти совсем рядом, как соседи по лестничной клетке, которые никогда друг с другом не разговаривают. Но в любом правиле есть исключения. Ещё бы! Вездесущий и подлый Фазаноль замыслил получить контроль не только над всеми магами, но и над людьми! Его новая цель — Магическое животное — баранец, обладающее редкой и очень могущественной оливковой магией. Жёлтая и зелёная, в сравнении с оливковой — ничто и, когда Фазаноль доберётся до этого существа, миру конец! Правда, есть одна загвоздка, баранец ни за что не подпустит к себе мерзкого Фазаноля. Другое дело — Еву Дедяту, девочку, которая умеет общаться с Магическими существами...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099952-1

© Емец Д. А., 2020
© Емец Д. А., 2020

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 31
Глава 5 46
Глава 6 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Дмитрий Александрович Емец
Обещание гарпии

© Емец Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Здравствуй, дневник! Поздравляю тебя! Ты мой новый единственный друг. Вчерашнего единственного друга я отправила в плавание по Магскве-реке. Плавает он плохо, ныряет скверно, и больше мы не виделись. Позавчерашнего верного друга я бросила в печь. В нём я успела исписать только две страницы. Сейчас твоя очередь узнавать мои секреты.

Мне хочется осмыслить свою жизнь.

Меня зовут Настасья Доморад. У меня серые глаза и тонкие губы. Я ношу очки с тонкими стёклами. Рост у меня сто восемьдесят пять сантиметров. Ещё я ношу высоченные каблуки, так что любой мужчина в лифте едва достаёт мне до плеча. Мужчин это напрягает, я знаю, но мне как-то наплевать. Когда я встречу того единственного, который мне нужен, его это не смутит. Кроме того, мои туфли имеют интересное свойство. Они, как метательная звезда, всегда вонзаются в цель острым каблуком. А если промахиваются, то возвращаются. Ну и магия, само собой, штопорная, первый сорт!

Я худая, нервная, вечно мёрзну. Обожаю огонь – печи, костры, но больше всего, конечно, камин. Люблю свободную одежду и просторные длинные юбки. Никогда не расстаюсь с шёлковым шарфом. Бермята, купивший шарф на барахолке, утверждает, что шарф может превращаться в змею, в лестницу, во много чего ещё. Вот только заклинаний, запускающих эту магию, не сохранилось. Вроде бы они должны были быть написаны на язычке, где всякие условия стирки, но стерлись. Так что я ношу этот шарф просто как шарф, хотя порой он и начинает вытворять всякие фокусы.

Очень люблю порядок. Сдвиньте карандаш на моём столе на сантиметр – и я это сразу обнаружу. Почистите зубы моей пастой – и я это тоже определю, потому что завинчиваю крышку пасты ровно на два оборота.

Я ненавижу фотографироваться. Ненависть к фотографированию столь сильна, что меня нельзя сфотографировать даже случайно. Я ухитряюсь ускользать как угорь от всех направленных на меня объективов. И на всех фотографиях всегда получаюсь со спины или

со смазанным лицом. Возможно, у меня комплексы по поводу моей внешности, оставшиеся со средних классов школы, когда я носила на зубах безобразные скобки и стояла на физкультуре самой первой. Вначале я, потом мальчик-гигант с говорящей фамилией Орков, который в шестом классе весил сто два килограмма, а потом уже все прочие. И эти прочие кривлялись как обезьяны. Поэтому я не люблю школьников, и вообще детей терпеть не могу. Дети – это беспорядок, ужас и кошмар.

В школе я училась самой обычной, человеческой, потому что мои родители были магоборы. Старались использовать магию как можно реже, считая, что любое её применение исчерпывает жизненные силы мира. «Всякий раз, как ты взглядом задвигаешь шторы, вместо того чтобы встать и сделать это руками, где-то в Атлантике всплывает брюхом кверху одна сельдь, у которой ты отняла жизненную энергию!» Если б ты знал, дорогой дневник, как часто они это повторяли!

С родителями у меня вообще всё сложно. Пока я росла, они никогда громко не ссорились, чтобы не подавать мне дурной пример. Только начинали говорить тихими голосами. Опустят глазки в стол и что-то бубнят каждый по своей программе, совершенно друг друга не слушая, а на столе вдруг начинает кипеть вода в чашках, плавится соль, дымится полировка. И не надо мне, пожалуйста, говорить, дорогой дневник, что в это время в Атлантике сдыхает какой-нибудь китёнок! Про сельдь я и вовсе не говорю! Она небось стаями целыми всплывала!

Мои родители занимались (и занимаются!) темпоральным продакт-плейсментом. Вещь невероятно сложная. Например, клиенту нужно, чтобы Ленин, поднявшись на броневичок во время своей исторической речи у Финского вокзала, похрустел чипсами «Жмотс» или выпил чашечку чая «Хлюптон». Или Бонапарт, проиграв битву при Ватерлоо, воскликнул бы: «Франция потеряна, но у меня осталась ещё бутылочка коньяка “Наполеон”!» Представляете, как сложно уговорить Ленина или Наполеона на такую чушь – притом что материальное перемещение в прошлое возможно лишь на десятые доли секунды и воздействовать на этих товарищей можно только снами?

Но мои родители – хорошие специалисты, дело своё знают и получают кучу магров. Вот только мне они давали всегда сущие капы, а все заработанные магры вкладывали в спасение редких видов магических животных. Причём глава фонда, в который они отдавали магры, потом сбежал с русалкой (проклятые русалки! они повсюду!), а заодно и со всей кассой фонда – и опять у нас дома дымилась полировка, потому что родители выясняли, кто из них виноват больше.

У меня куча всяких фобий и просто бзиков. Я не люблю, когда со мной спорят, не переношу громких звуков и выяснения отношений, ненавижу трусов. У меня обострённое чувство справедливости. Если при мне обижают ребёнка или животное, я выхожу из себя и немедленно спешу на помощь. И это при том, что детей я, повторяю, терпеть не могу.

Ну о чём тебе ещё рассказать, дорогой мой, единственный друг? Чем тебя огорчить? Жить тебе осталось недолго. Банка с кислотой, в которой я тебя растворю, уже готова!

Из уничтоженного дневника Настасьи № …

Глава 1
Шлем-бацинет

Отец семейства разбудил утром члена семейства Ивана Чехова и послал его без штанов в сарай за штанами. По поводу сих штанов между отцом и членом семейства последовало препирательство, закончившееся тем, что член семейства отправился в сарай и начал там искать штанов, а отец семейства последовал за ним и по-таганрогскому начал учинять мордобитие. Оскорблённый таким жестоким обращением, член семейства Иван Чехов, 17 лет, разверз гортань и начал во всю мочь апеллировать. Сбежавшиеся на крик хозяева дома и члены семейства заставили отца семейства устыдиться и отпустить члена. За сим последовало со стороны хозяев дома объяснение и внушение с указанием на ворота, при чём отец семейства невиннейше улыбался…
Из письма Александра Чехова Антону Чехову

Застеленная ковром лестница ведёт на второй этаж и вливается в гостиную. Хорошая лестница, с прутьями, прижимающими ковёр, чтобы не скользил. Вот только в прихожей нет медвежьего чучела с блюдом для визитных карточек. Ну, это в домах побогаче, в таких как у графа Толстого. Хоть и отказался граф от имения, тачает сам себе сапоги и после доходит пешком от Хамовников до самой Тулы, а вот от пары английских скаковых лошадей отказаться не смог, да и от медведя с блюдом тоже, за что над ним добродушно и любовно посмеивается вся Москва. Чудит его сиятельство!

Но и без медведя гостиная хороша. Окна украшают лиловые ламбрекены. Между ними – круглые часы. На подоконнике – азалии, фикусы и кактусы. Лишь недавно, при пореформенном крахе, постигшем крупное дворянство, эти заморские растения вышагнули из обветшавших княжеских оранжерей. В провинцию пока толком не проникли, там по-прежнему царят герани, да и по Москве не совсем ещё расселились. Бережно передают из дома в дом черенки фикусов, померанцев и лимонных деревьев. Идёшь к невесте – не шли ей осетрины и громадного букета роз, как пошлый охотнорядский купчина, а, поцеловав пухлую ручку суженой (правая промыта дорогим французским мылом из Варшавы, а левая, для душистости – огуречным рассолом), презентуй крохотного живого кактусёнка, завёрнутого в страницу из «Отечественных записок» или «Инвалида». Ахов-то будет сколько! А радости! Только смотри, чтоб живой кактусёнок был, не примятый, не примороженный, с корешком – не то басистые рыдания пожилой тридцатипятилетней тёщи заглушат робкую благодарность шестнадцатилетней невесты.

А вот и столовая. Светло-жёлтые обои. Керосиновая лампа на буфете. На стене – карта России, на которой она занимает почти целый континент. Застенчиво жмутся к стеночке европейские государства. Умные французы, недавно открывшие науку статистику, уже подсчитали: к середине XX века население Российской империи составит 600 миллионов.

Золотой век! Империя ещё стоит, Александр III ещё правит. Лучший монарх во всей русской истории – спокойный, мудрый, победительный богатырь. «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать», – это его фраза. И здесь, на Садовой, в Кудрине, против 4-й гимназии, в доме Корнеева, он будет править всегда.

Но, увы, это лишь здесь, в красном особняке, прижавшемся к глухой стене соседнего дома. Снаружи уже всё по-другому. Едут по Садовому кольцу туристические электробусы, везут в дом Чехова бесконечные экскурсии, и школьники засовывают жвачку под кованый декор перил.

* * *

За большим столом сидели четверо: Бермята, Настастья, Филат и Ева. Пятый обитатель музея – химера Гризельда – лежала на полу и, касаясь колен львиной лапой, занималась обычным шантажом. Не поймёшь намёк львиной лапы – козья морда изжуёт скатерть. Козью морду не услышишь – выползет на скатерть змеиный хвост. Так что хочешь не хочешь, а давай сюда куриную ножку.

Бермята готовил что-то среднее между поздним завтраком и ранним обедом. Небольшой омлет из тридцати яиц и бутерброды с расплавленным сыром из разрезанного вдоль батона. Из целого белого их обычно получалось два: главное – вовремя выключить микроволновку… Ой, у Антона Павловича в доме её, разумеется, не было! У него и датчики движения на окнах не стояли. Это уже скромная дань современной эпохе вкупе с холодильником и скороваркой. Причём варит скороварка действительно скоро – джинн на барахолке, у которого её купили, клялся, что внутри скороварки – пропавший камчатский вулкан. И правда, запахи из неё порой прорываются самые вулканические, а на дне кипит лава.

Настасья тщательно чистила перепелиное яйцо. У них с Бермятой была совершенно противоположная концепция в отношении еды. Бермята ел всегда быстро, часто стоя или на ходу, и все считали, что он голодный. Настасья же по два часа намазывала себе какой-нибудь бутербродик, украшая его укропом и двумя икринками, и все были уверены, что она только и делает, что объедается.

– Смена активностей! Мы можем наконец перестать есть и заняться чем-то полезным? Я ощущаю себя мудрой матерью двух взрослых детей и одного… – Настасья остановила взгляд на Бермяте, – …вечного младенца!

Бермята деликатно промолчал. Он уже привык, что вечно в чём-нибудь виноват. Даже если он по просьбе Настасьи достанет с неба звезду, потом окажется, что всё не так. Во-первых, звезда слишком большая. Во-вторых, Настасья не просила красного гиганта, а просила что-нибудь маленькое и доброе, вроде солнышка. В-третьих, не просила притаскивать звезду домой и прожигать скатерть. В-четвёртых, можно было не пропадать так надолго. Тебе ведь просто нужен был повод, чтобы исчезнуть? В-пятых, она уже не сильно уверена, что вообще хотела звезду. С таким кислым лицом подарки не делают!

Филат незаметно усмехнулся. Со своей острой стожарской наблюдательностью он давным-давно раскусил эту парочку. Бермята всё делает, Настасья же то впадает в автоспатокинез, то занудствует, то начинает бегать и швыряться подушками и булочками. Это проявление её характера Бермята очень любит и всегда его ждёт.

После истории с хафгуфой прошло несколько недель. Наступил октябрь. Лешак Лёша целыми днями гонял метлой жёлтый лист. Лист подсох, подморозился и уже обрёл шорох. В сентябре шороха не было – сентябрьский лист тяжёлый, с влагой внутри. «Прекрасный месяц!» – говорил стожар. Но у него и ноябрь будет прекрасным, и февраль. Вообще если человек умеет видеть во всём хорошую сторону, никаких прочих дарований ему не надо. Он и так всё получил.

Стожар и Ева жили у Настасьи. Всем вместе было безопаснее: Фазаноль никогда ничего не забывал, а Пламмель, Грун и Белава, поговаривали, вновь объявились в городе. Филату на Садово-Кудринской нравилось больше, чем в убежище на «Новокузнецкой». Там было мрачновато, к тому же стояло такое количество древних стожарских ловушек, что порой они от ветхости срабатывали сами по себе.

Стожар лежал животом на спинке дивана. В руке у него была вилка, на которую он накручивал макароны из далеко стоящей тарелки. Для этого ему приходилось держать вилку кон-

чиками пальцев. Еву, Настасью и Бермяту его многочисленные живописные позы давно не удивляли. Тело стожара гнулось практически как угодно. Он был как ребёнок, прыгающий на остановке и завязывающийся узлом вокруг руки мамы. Даже стул ему нельзя было доверить, чтобы он не сотворил с ним что-нибудь особенное. То спинкой его вперёд повернёт, то взгромоздится на сиденье коленями.

Ева развлекалась с заварным чайником. Выглядел он как глиняный чайничек с четырьмя носиками, но имел некоторые дополнительные свойства. Из одного носика, если залить воду, тёк чай, из другого – кофе, из третьего – какао… Но Еву сейчас больше интересовал четвёртый носик:

– А этот для чего?

– Осторожно! Это аннигилятор! – предупредил Бермята, выхватывая у неё чайничек.

– А как вы в нём завариваете чай? Не боитесь перепутать?

Показывая, что перепутать нельзя, Бермята стал щёлкать по носикам пальцем, и у соседнего с Евой венского стула исчез кусок спинки. Не сгорел, не стал пеплом, не осыпался – его просто стёрло из бытия. Равно как и небольшую часть стены.

Свет Васильевич вытаращил глаза.

– Убоись! Ах ты ген аллельный! – воскликнул он и быстро переставил чайник на буфет. – А стенка – ерунда! Картиной дыру закроем!

Однако перевесить картину он не успел. Снизу кто-то трижды ударил в дверь. Удары были тяжёлые, точно явился Каменный гость. Гризельда, обожавшая пугать и потом облизывать гостей, вскочила, ринулась к дверям, но внезапно застыла на месте, издала леденящий душу вой и поспешила спрятаться в шкафу.

Бермята и Настасья обменялись красноречивыми взглядами.

– Дохлый хмырь! – воскликнул стожар. – Вы кого-то ждёте в гости?

Настасья покачала головой. Деревянная створка ударилась о стену, и раздувшиеся от сквозняка шторы сообщили, что дверь внизу распахнута настежь. Ступени заскрипели под тяжёлыми шагами.

– Как это мило – не утруждать хозяев! Не стал ждать, пока откроют… – сквозь зубы процедила Настасья.

Бермята торопливо вытащил красный магстолет и спрятал его за спиной. Стожар же, схватив со стола свою тарелку, ласточкой прыгнул за диван.

– Я, пожалуй, посижу здесь! А если вас убьют – заем своё горе! – объяснил он.

Ева тоже хотела забиться за диван, но не успела. В столовую грузно вошли рыцарские латы и, лязгнув, остановились. Латы были миланские, хорошей работы. Шлем бацинетного типа, тоже итальянский, чем-то смахивал на маску чумных докторов.

– Стой – или буду стрелять! – предупредил Бермята.

– Ложный утверждений! – прогудел голос из-под забрала. – Что такое «стой»? Во Вселенной нет ни одной неподвижной точки! Как я могу стоять, когда Земля лететь вокруг своей звезда много километров в секунду и дополнительно вокруг оси? Чтобы стоять – надо быстро бежать! Парадокс! А! А! А! Шутка – это когда смешно!

– Спасибо, что объяснили. Мне не смешно! Дверь была закрыта на магическую щеколду. С вас сто магров зеленью, – сухо сказала Настасья. Она внимательно изучала доспехи, скользя взглядом по украшающим их рунам, и отчего-то становилась всё мрачнее.

– Ваша магия не пострадала. Я подобрал ключ. Семь уравнений высшего порядка сводим в одно. Упрощаем. Добавляем ещё два уравнения. Опять упрощаем. Задача решена. Дверь открыта. Вы думали, магия есть – а её нет. А! А! А! Хохот! Я правильно соблюдал необходимый ритуал шутки? Вы думать одно – а оказался другое!

В доспехах что-то загудело. Они затряслись всеми сочленениями. Настастья села на венский стул и, скрестив руки на груди, терпеливо стала ждать, пока доспехи затихнут.

– Бермята! Убери магстолет! – сказала она.

– Почему?

– Потому что если он поломал стомагровую магию, то подобрать ключ к твоему магстолету он тоже сумел. Он уже просчитал всё, чем ты можешь в него выстрелить…

– Нет, – жизнерадостно сообщили доспехи. – Я просчитал, но стрелять смысл есть! Надо стрелять три раза, потом ждать два секунда, потом стрелять ещё три, и потом ещё два. Всё в комнате будет гореть и разлетаться! Очень… очень… как это называется… сильный деструкция… Боевая магия номер шесть войти в конфликт с магией номер два. Появляться новая магия со сроком жизни 0,002 секунда, и я не могу быстро блокировать магия номер восемь! Тогда… как это сказать? Остановленный время для меня, для вас!

– Смерть, – подсказала Настасья.

Латы произвели шлемом негодующий звук:

– Не понимать, о чём вы говорить. Математически «смерть» не есть финальный уравнений. Все измерений в один точка, в один целостность.

Бермята спрятал магстолет, взял стул с простреленной спинкой и поставил его рядом с доспехами:

– Прошу! Садитесь, раз уж пришли!

Гость провёл пальцем железной перчатки по спинке, потрогал дырку и тяжело опустился на скрипнувший под его тяжестью стул.

Дмитрий Емец

– Аннигилятор! – определил он. – В меня однажды стреляли из аннигилятора!

– И как? Понравилось? – полюбопытствовал Бермята.

– Ложное утверждение. Была большая деструкция!.. Мои мысли находиться в большой перепутке. Я не мог решить систему из двух уравнений, и мой ощущений стал так необычен! Я стал прост как линейный функция! А! А! А! Это было так – не могу подобрать слова – весело.

Настасья вежливо кашлянула.

– Может быть, перейдём к делу, чтобы у вас было время повеселиться? – спросила она.

Гость строго посмотрел на неё сквозь узкие прорези бацинета:

– Можно к делу. Но я опасаюсь… как определить это чувство… вы умирать от страха!

– Попытаемся выжить. Как вас зовут? – спросила Настасья.

Она по-прежнему не отрывала взгляда от доспехов. Руны на грудных пластинах начинали едва заметно алеть.

– Ноумен имя мне. Так именуют меня те, кто жаждет узнать наименование моё и жаждет отличать меня других от себя для, – торжественно произнёс гость.

– Мы уже отличаем вас других от, – успокоила его Настасья.

– Надеюсь, себя для? – немедленно уточнил гость.

– Это уж как придётся!.. Но мне кажется, вам лучше поспешить? – спросила Настасья будто невзначай.

Гость взглянул на раскалившиеся руны и серьёзно кивнул:

– Правда. Большое сопротивление мира. Очень скоро я уйду, оставив подарок. Я вестник. Предупредить вас – цель моя.

– Предупредить о чём?

– Он выпущен на свободу и ищет всех вас, включая того, кто будто бы скрытен, – гость оглянулся на диван, за которым тихо сидел стожар. – Затаиться от него нельзя.

– «Он» – это кто?

– Тот, кто будет вас убивать. Немного, но не совсем, однако абсолютно… Сожалею, что не могу открыть вам! Это сделает другой. Иначе я исчезну быстрее, чем сообщу главное, – серьёзно ответил гость.

– Значит, то, что нас хотят убить – не самое главное? – поинтересовалась Настасья.

– Безусловно, но для вас! Главное же для мир – что вы должны воспрепятствовать. Тот, кто ищет вашей помощи, уже вылетел к вам. А тот, кто хочет ваша смерть, уже выполз.

– Перспективное начало! – задумчиво сказала Настасья.

Доспехи хотели отозваться, но время уже истаяло. Центральная руна на нагруднике вспыхнула и, прогорев, погасла. Доспехи свалились со стула. Они падали отдельными сочленениями – так, что сразу можно было понять, что внутри ровным счётом ничего нет. Бацинет подкатился к дивану, за которым прятался стожар. Тот отложил тарелку и, дуя на пальцы, взял в руки шлем. Узкие прорези бацинета смотрели пустотой, однако маленькая руна на лбу, истаивая, сохраняла очертания.

– Тому, кто думал, что сокрыт, привет от той, кто его любит. Последний посланий, но тайный! Теперь всё! – едва слышно прошелестела пустота.

Руна истаяла. Стожар выронил шлем, загрохотавший как пустое ведро.

Глава 2
Когда девушка не в духе

Они опять переезжали. Утром маме не понравилась трещина на мраморе. Она стала на сантиметр короче. Трещины никогда сами по себе не делаются короче. Длиннее – да. Мама разнесла колонну вдребезги, раз за разом всаживая в неё штопорные удары магии, и не ошиблась. Колонна ещё корчилась, истекая зелёной слизью, а они уже тряслись в магтобусе. Мама нервничала и всё время неприметно озиралась. Тварь могла быть не одна. Порой они ходят парами.

Магтобус был рейсовый, старенький, с унылым джинном за рулём, который невыносимо долго принимал оплату за проезд и отсчитывал сдачу с точностью до капа. Причём если его начинали торопить, джинн вообще переставал двигаться. Мама успокоилась только минут через двадцать. Её лицо приобрело здоровый цвет, и тёмные ободки под глазами исчезли. Филат был тогда маленький, чтобы заглянуть в окно, ему приходилось привставать на цыпочки. В окне был виден кусок неба с тучками.

Неожиданно мама наклонилась к нему. Он увидел, что пальцы её рук сложно скрещены и переплетены. Это был простенький, но действенный способ, чтобы не подслушивали.

– Филат! – тихо сказала мама. – Может, ты не запомнишь сейчас всего, но некоторые вещи лучше узнавать в детстве. В детстве они кажутся сказкой, и тогда не так страшно. Теневые миры населены жуткими тварями. Все они разные. Есть юркие как змеи. Есть огромные, сильные, неповоротливые. Есть яркие, есть серые, есть почти невидимые, есть похожие на животных… Твари эти блуждают в закоулках Теневых миров и пожирают всё, что найдут. Временами твари просачиваются в наш мир. Одна из главных целей стожаров – обнаруживать этих тварей и уничтожать. Если же уничтожить нельзя – хотя бы предупредить других. Не все маги верят, что эти твари действительно существуют. Те же, которые верят, стараются поскорее о них забыть, потому что сам факт их существования настолько всё меняет, что человек не может удержать привычную картинку мира.

Мама неуловимо осмотрела магтобус, убеждаясь, что всё в порядке.

– Долгие века стожары накапливали опыт борьбы с тварями и передавали его из поколения в поколение. Нужно наблюдать, нужно всё замечать и быстро действовать. Твари тоже в первую очередь уничтожают нас. Им не нужно, чтобы о них знали. Из мрака проще наносить удары. Я научу тебя всему, что знаю сама.

– Да, – отозвался Филат. – Потому что мы с тобой – последние стожары. – Он закончил фразу привычно, без мысли и выражения. Ребёнок, заученно повторяющий стишок. Как маленький мальчик в дворцовом парке, отловленный за шкирку вновь прибывшим послом и получивший от него леденец за информацию, где найти короля, отвечает, обсасывая леденец: «Король – это я! А ещё один леденец у вас есть?»

Мама взглянула на Филата и вздохнула. Сложно серьёзно говорить с малышом, которого больше интересуют жуки в трещинах асфальта.

– Ладно… Кажется, я тебя перегрузила…

– А куда мы теперь? – спросил Филат.

– В Саратов. На этот раз тебя будут звать… минуту… – мама сосредоточилась и, сунув руку в пустоту, достала паспорт и свидетельство о рождении. Чувствовалось, что документы прошли сквозь изнанку мира. Обложка паспорта была горячей, а у свидетельства пожелтели края. Разумеется, документы были настоящими. Никаких фальшивок мама не признавала. Документы реальных людей, которые где-то жили и что-то делали. И даже документы у них не пропали. Просто у них появились двойники.

– Тебя зовут Николай. Ты родился шестого мая. Твой папа Фёдор, а твоя мама Галина. Не перепутаешь?

Об этом можно было не спрашивать. Такие вещи всякий маленький стожар запоминает мгновенно. Папа Фёдор, мама Галина, он Николай. День рождения 6 мая. Если кто-то из незнакомых взрослых на тебя смотрит, надо делать глупое и радостное лицо, задавать кучу тупых вопросов, всё хватать без спросу и утомлять бегательностью. Взрослые от бегательности и непрерывных вопросов так устают, что у любой соседки в три минуты улетучится всё любопытство. Уже она будет от тебя спасаться, а не ты от неё.

– И конечно, как можно реже используй магию! Только зелёную, только самую нейтральную! Иначе нас смогут отследить… И магзели, и твари… Любая магия – как отпечатки пальцев. Она имеет свой уникальный след, – сказала мама.

Филат… ой, то есть уже Николай… знал и это.

– А сколько лет мне на самом деле? – спросил он вдруг. Они скрывались так давно, что порой он забывал правду.

– На самом деле тебе девять!

– А мой день рождения двенадцатого октября?

– Двенадцатого октября был день рождения по предыдущим документам… На самом деле ты родился первого марта.

– Ясно.

Мама улыбнулась и поцеловала Филата. Она была молодая и красивая. Солнечный свет падал в окно магтобуса и заливал её волосы.

– Запомни меня такой! – сказала она вдруг.

– Такой-сякой? – пошутил он, но шутка показалась ему неудачной, и он уткнулся лбом маме в плечо.

Из детства стожара

Полчаса спустя Настасья сидела на корточках, разглядывая доспехи. Изредка она касалась пальцами полос, выплавленных погасшими рунами.

– Он говорил, что оставит подарок! Он его и оставил. Эти доспехи стоят пятьсот магров рыжьём, если не больше. Но продавать мы их не станем… Раздобудем где-нибудь меч повнушительнее и поставим внизу у лестницы, – решила она.

– Когда ты догадалась, что в доспехах окажется пустота? – спросил Бермята.

– Первая догадка забрезжила, когда Гризельда струсила. Если она способна испугаться, то только чего-то нематериального. Вторая – когда увидела руны. Вот эта называется «якорь реальности». От неё исходил самый большой жар. Духу чудовищно сложно было удерживаться внутри доспехов. А вне доспехов он и вовсе существовать не мог. А когда сказал, что его зовут Ноумен, я утвердилась в своём предположении. Ноумен – это нечто умозрительное. То, что постигается лишь умом. Своим именем он как бы намекал, что его… гм… может и не оказаться.

– Ах ты столбняк холерный! Чихун энтеровирусный! Значит, действительно вестник из Теневых миров! – Бермята хорошенько встряхнул свой магстолет, в случайном порядке перемешивая в рукояти горошины с боевой магией, и спрятал его в карман.

– Вопрос в том, должны мы верить гостю или нет! – сказала Настасья.

Стожара за диваном уже не было. Он хмуро лежал на подоконнике и, поставив себе на грудь горшок с кактусом, развлекался тем, что на вдохе кактус приподнимается, а на выдохе – опускается. О чём он думал, Ева даже близко предположить не могла, но вид у него был колючий. Брови топорщились.

Внезапно он сел и уставился в окно.

– Похоже, что должны верить, – отозвался Филат.

– Почему?

– Потому что к нам уже летят. Может, те самые ищущие помощи… На вашем месте я бы открыл окно. Насколько я их знаю, возиться с разблокировкой они не станут – разнесут всё к ядерной бабке Невера Нахабы! Хорошенькие фотки будут у китайских туристов! «Я в пенсне Антона Чехова, а рядом мои новые друзья Аэлла, Аэллопа, Подарга, Окипета и Келайно! А то, что рядом кувыркается в воздухе, – это, простите, нога экскурсовода…»

– Аэлла, Аэллопа… – медленно начала Настасья. – Это же…

– …ГАРПИИ! Аэлла – «ветер», Аэллопа – «вихрь», Окипета – «быстрая», Келайно – «мрачная». Хотя отличия, на мой взгляд, неочевидны и касаются только того, кто как психует. Аэлла психует как ветер… Аэллопа психует как вихрь. Окипета психует быстро, ну а Келайно просто вечно психованная… Улавливаете нюанс? Я, честно говоря, смутно.

– Откуда ты знаешь, что они летят именно к нам?

– Хотелось бы сослаться на стожарскую интуицию. Но увы… Просто умею наблюдать. Аэллопа уже минут пять на крыше сидит, поджидает остальных… Видно, раньше прилетела. Не просто же так она «вихрь»!

На крыше соседнего флигеля, спиной привалившись к трубе, сидела светловолосая женщина в кожаной куртке. Ноги до колена человеческие, ниже колена покрыты жёсткими перьями и завершаются когтями. К тыльной стороне руки примыкало сложенное крыло, начинающееся от запястий и идущее дальше вдоль трицепса до лопаток.

– Только не надо говорить, что ноги у неё как у болотницы! – сказала Ева.

– Правда не надо, если хочешь ещё пожить! – предупредил стожар. – У болотницы ноги куриные, а у гарпии орлиные. Разница примерно такая же, как между твоими ногами и ногами шимпанзе. Сходство есть, но комплимент сомнителен.

Аэллопа вскинула голову и уставилась на небо, в котором появились ещё четыре силуэта полуженщин-полуптиц. Не дожидаясь, пока они приблизятся, гарпия издала гортанный крик и взлетела, распахнув крылья, оказавшиеся огромными и по форме красивыми. Вот только перья были чёрные, неровные и местами словно обкусанные.

– Сварливые сестрички… вечно с кем-нибудь устраивают драки… – пояснил стожар. – Ева! Бермята с Настасьей как-нибудь разберутся, а ты запомни три правила переговоров с трудными людьми. Ну и с гарпиями заодно. Первое: не сдавать позиций – будет только хуже. Второе: не отвечать агрессией на агрессию, потому что тебя именно на это и провоцируют. Третье: сменить игру собеседника… А! И ещё правило, самое важное! Не вздумай назвать Подаргу Подагрой! Она взбесится. Подарга – «быстроногая»… А подагра… ну, сама понимаешь…

Подлетели ещё четыре гарпии. Две из них были юными, одна такая же, как Аэллопа, и одна пожилая, выглядевшая устрашающе. Лицо у неё было красное, как говяжья вырезка, а на голове парик.

– Это Подагра? То есть «быстроногая»? – шёпотом спросила Ева.

– ПодаРГа! Нет, Подарга – хорошенькая блондиночка. А это Келайно. Несколько лет назад дракон дохнул на неё огнём. Она ещё не успела заживить рану.

– Скверно! Драконье пламя очень опасно. Надеюсь, дракон был не из Магзо? – озабоченно спросил Бермята.

– Нет, не из Магзо. И это неплохо. Потому что, если я ничего не путаю, Келайно перегрызла ему горло.

– Откуда ты так хорошо знаешь гарпий? – с интересом спросил Бермята.

Вопрос вызвал у стожара бурную реакцию. Выражаясь терминологией Настасьи, у него «началось неконтролируемое шевеление в области всех конечностей».

– У моей мамы… э-э… были с ними общие дела. Ребёнком она часто оставляла меня с гарпиями, когда ей нужно было на несколько дней отлучиться…

– Оставлять ребёнка у гарпий? Необычно!

– Необычно, конечно, но почему бы и нет? Всё лучше, чем в детском саду. Тебя хотя бы не заставляют спать днём, и психолог, неудачно притворяющийся нормальным, не гоняется за тобой с тестами. К тому же вокруг полно интересных игрушек: косточки, сушёные тарантулы, живые кобры, пузырьки с ядами… А невидимый лабиринт! У них есть такая комната – с виду обычная. Никаких прозрачных стен внутри, никаких преград, ничего… Бросят в неё какой-нибудь предмет, например яркий мячик. Я с громкими воплями ползу к мячику, а он становится только дальше. Я ползу в другую сторону – и опять мимо. И так часов пять ползаешь, пока сообразишь, как надо ползти, чтобы всё-таки добраться до этого мячика.

– Увлекательная игра! – сказала Ева.

– Особенно для нетерпеливых мальчиков, которые хотят всё быстро и сразу. А там чуть пальцем не так шевельнёшь – и всё… опять ты в дальнем углу комнаты и без мячика. Начинай всё сначала.

– Ты до сих пор с гарпиями дружишь? – спросила Ева, играющая с котошмелём. Она запускала его в один рукав, после чего тот немедленно выбирался из другого. Пыхтел, возился под свитером, пытался расправить крылья. А потом и вовсе стал рыть себе нору где-то под мышкой.

Филат неуютно поёжился. Вопрос его смутил.

– Тут такая вот стожарская сказочка, дохлый хмырь… Когда мама исчезла, я некоторое время жил у гарпий. И вроде бы они неплохо ко мне отнеслись… Выделили мне отличную комнату с кроватью, висящей на цепях, с кучей оружия и оживающим психованным манекеном, который был одержим желанием меня убить…

– И ты с ним сражался?

– Ну, не совсем. Всякая магия, как известно, имеет глюки. Я смекнул, что достаточно накинуть ему на голову бумажный пакет, чтобы он забыл о моём существовании. Пакет изменял параметры комнаты, он переставал меня замечать, и можно было заниматься своими делами. В общем, жилось мне неплохо. – Стожар вздохнул. – Но однажды… увы… всё закончилось. У нас вышел с гарпиями небольшой конфликт, поэтому в последнее время я избегал встреч с ними…

Покружив в небе над маленьким двориком, все пять гарпий выстроились клином и пошли в атаку на центральное окно флигеля. Настасья торопливо распахнула его, стожар же очень вовремя скатился с подоконника и устроился на диване почти как нормальный человек. Разве что ноги скрестил по-турецки. Руки же забросил за спинку, и со стороны казалось, что он стекает с дивана как жидкое стекло.

Гарпии по одной врывались в комнату, подпрыгивали на полу, снижая скорость, и лишь затем складывали крылья. Стол, венские стулья, комод, керосиновая лампа – всё было сметено. Устоял лишь тяжёлый диван со стожаром, грамотно выбравшим себе убежище.

Одна из гарпий, дамочка на вид весьма бойкая, в стиле сельского школьного завуча, отвечающего сразу за всё, и в том числе за директора, поблёскивая очочками, выдвинулась вперёд и, прижав руки к груди, зачастила:

– Ох ты гой еси, Настасья королевична! Ай ты гой еси, Бермята сын Васильевич! Прилетели мы к вам из дальней дали, из самого из Выхино окаянного! Крылышки уж наши запыли-

лися! Ясны оченьки наши ввалилися! Уж летели мы, себя не жалеючи! Глотали по пути лишь мушек да комариков, запивали слёзушками горькими… Уж позвольте нам, князюшка со княгинюшкой, слово молвить да словечко вымолвить, выплакать наше горе вдовье! Обидели нас волки злобные, волки злобные, завидущие. На вас одних нам, сиротам, надеждушка!

Гарпия с красивым лицом толкнула её локтем:

– Аэлла, закругляй цирк!

– Отвали, Окипета! Без тебя знаю, как с людьми разговаривать! – огрызнулась Аэлла, однако фольклорного элемента в её речи поубавилось. – Три греческих посольства при Ярославе Мудром приняла! Милые люди, вежливые, обходительные! Почитайте Гомера! Греческий царь – это, в сущности, председатель колхоза. Напитки потребляет такие же, спит на тёплой золе у костра рядом со своими рабами – только у него чуть больше баранов. А послы греческие и подавно лапочки! Все понимают, ни с кем не спорят. Для каждого яда у них отдельная коробочка. Всё подписано – любо-дорого посмотреть! Монголы – я потом в монгольском отделе работала – те все яды в кучу свалят, ничего не помнят, травят чем попало, а потом друг на друга орут и бараньими костями кидаются!

– Аэлла! Ближе к делу! – толкнула её локтем Окипета.

Окипете на вид было лет двадцать пять. Но это если по человеческим меркам. А так могло быть и две тысячи пятьсот. Лицо у юной Окипеты было круглое, а губки пухлые. Глаза застенчиво опущены. Вроде бы тихоня и смиренница, но временами Окипета вскидывала глаза – и всех точно обжигало. Ободок в глазах был золотистый, а сами глаза – умные и лукавые. «Змеища! Ох и змеища!» – подумала Ева.

Словно угадав её мысли, Окипета показала ей язычок. Он был узкий и раздвоенный.

Пока Окипета и Аэлла выясняли между собой, кто будет говорить, третья гарпия, Аэллопа, удручённо покачивая головой, поднимала с пола разбитую посуду, служившую ещё Евгении Яковлевне Чеховой. Хорошенькая блондиночка Подарга и обожжённая Келайно тем временем уставились на стожара. Юная Подарга – сочувственно и с интересом, а обожжённая драконом Келайно, напротив, мрачно.

Настасья кашлянула, привлекая к себе внимание:

– Добрый день!

Гарпии загалдели, хлопая крыльями и с критикой отзываясь о доброте дня. При этом в комнате пострадали ещё кое-какие предметы.

– Прошу садиться, если найдёте уцелевший стул… – вежливо предложила Настастья. – Может, вы коротко объясните, что стряслось? В некоторых случаях разумнее обращаться в маглицию.

– К магзелям, что ли? Обращались мы к ним! – Аэллопа расхохоталась. Голос у неё был звонкий, а смех хриплый, совсем с голосом не вязавшийся. Словно с полдюжины актрис, собравшихся в курилке детского театра, на минуту вышли из образа зайчиков и белочек и все разом сказали «кхе!»

– И что же?

– Ничего, – с непередаваемой иронией отозвалась Аэллопа. – Сидит такой румяненький паренёк, истинное создание своей мамочки, и печатными буквами заполняет протокол. А там графа «Дата рождения»! Он поднимает глазки – и спрашивает у Келайно год её рождения! У Келайно!.. Спросил бы у меня! Я не стыжусь своего возраста. В конце концов, когда мы познакомились, он был старше меня на пять лет…

– Кто?

– Александр Македонский… Но он спросил у Келайно. Она ему отвечает – тихо так, даже потолок не особенно задрожал: «А что, год моего рождения сильно поможет раскрыть преступление?» Тут бы ему замолчать, но барашек продолжает блеять… Короче, дальше у магзелей случился маленький пожар, а мы решили обратиться за помощью к вам!

– Большая честь! – бодро ответила Настасья. – Может, тогда вы поведаете нам обстоятельства?

– Какие ещё обстоятельства? Нас просто хотели обокрасть, и всё тут! – внезапно заорала Келайно. – Мы почти накрыли мерзавца, но он сбежал! Найдите мне негодяя, чтобы я могла вырвать ему сердце!

Гарпии, забеспокоившись, сгрудились вокруг Келайно и принялись её успокаивать.

– Келайно, не очерняй! Келайно, утихни! – сердито бормотала Окипета.

Еве от присутствия гарпий было не по себе. Помня совет поменьше болтать, она укрылась за спиной Гризельды. Химера сидела непривычно смирно, на гарпий не бросалась, но змеиный хвост её нервно хлестал по бокам.

– Так что же у вас украли, девушки? – широко улыбаясь, спросил Бермята.

– Пытались украсть ЗОЛОТОЕ РУНО! – выпалила Окипета.

Настасья перестала вежливо улыбаться:

– То самое золотое руно? Погодите! Вы держали золотое руно на квартире в Выхино?!

– А где нам ещё его держать, если мы живём в Выхино? Зарыть в лесу под ёлкой и отметить крестиком на карте? Или, может, арендовать в банке ячейку? – с невыразимой ядовитостью произнесла Окипета.

– Но это же редчайший артефакт!

– Да что вы говорите! А мы думали – просто шкурка золотой овечки! – продолжала ехидничать Окипета, но её прервала заголосившая Аэлла:

– Уж исплакали мы очи наши ясные! Уж билися мы бедными головушками, уж бросались мы грудью да на паркетный пол! Ломали мы холодильники железные, разносили мы стены кирпичныя, крушили балконы бетонныя!

– К сожалению, всё примерно так и было. В Выхино-Жулебино сегодня лучше не ездить. А также в Люберцы и Люблино. Там будет много ремонтных бригад, – всё тем же голосом зайчика из актёрской курилки подтвердила Аэллопа.

Келайно беспокойно задвигалась.

– Келайно, успокойся! – хором воскликнули гарпии.

– Хорошо… Можете рассказать какие-то подробности? – спросила Настасья.

– Вчера вечером мы вылетели на прогулку. На рассвете возвращаемся – и понимаем, что кто-то вторгся под защитный купол. Решили накрыть его с поличным. Одни влетели через окна, другие через балкон, Келайно взяла на себя входную дверь, но негодяй удрал ещё до нашего возвращения!

– Золотое руно не взял?

– Не сумел. Руно висело в комнате с невидимым лабиринтом.

– Вы уверены, что в квартире кто-то был? – спросила Настасья.

– Ещё бы! На защитном куполе со стороны входной двери – двойные следы проникновения. Когда он входил и когда выходил.

– Купол был прожжён?

– В том-то и дело, что нет. Чтобы прожечь защиту, нужны тысячи магров рыжья. Здесь же магию просто распутали, причём дважды! Потратили, быть может, всего несколько капов! Но каким искусством надо обладать, чтобы это сделать! И так хорошо представлять устройство нашего купола! – Аэллопа в упор уставилась на стожара.

Филат закинул руки за голову и начал насвистывать.

– Вы летаете каждую ночь? – спросила Настасья.

– Почти каждую. Дождь или ветер нам не помеха. Только лунных ночей избегаем. Келайно начинает… э-э… тревожиться…

– Опасно оставлять золотое руно без присмотра.

– Мы не можем без полётов! Моцион, фигура, опять же за горгульями погоняться! Горгульи, знаете ли, никогда не упустят случая напасть на бедную одинокую гарпию! Зато когда нас хотя бы две или три, мы, несмотря на всё наше миролюбие, вынуждены…

– Подайте мне их сюда, этих подлых горгулий! Я хочу увидеть, какого цвета у них кровь! – срываясь с места, завопила Келайно.

Окипета и Аэлла повисли у неё на плечах, призывая её держать себя в руках.

– И кстати, у горгулий нет никакой крови. Мёртвая горгулья – это просто разбитый камень, – пробурчал стожар. Он забыл, какой чуткий у гарпий слух. Келайно высвободила руку и ткнула в его сторону крючковатым пальцем.

– Ты Филат! Я узнала тебя, хоть ты и вырос! – торжественно произнесла она. – Ты чёрной неблагодарностью отплатил нам за всё, что мы для тебя сделали! Украл у нас серебряные ножницы судьбы!

Филат надулся:

– Не крал я ваших ножниц! Поменял, не помню уж на что… На надкусанную морковку!

– А-а! Сознался!

– Я брал ножницы на время, собирался потом вернуть. Мне нужно было подрезать одну магическую паутинку!

– И почему не вернул?

– Меня самого обворовали два хмырёнка из простейшей нежити. Глупейшая вышла история… Ползу я под хранилищем магзелей – и застреваю в бетонной норе с вашими ножницами в руках! И вдруг – голубоватый свет, и ползут эти самые хмырята… А у меня рука с ножницами вытянута вперёд, и всё, что я могу – это вертеть их в кисти и грозно произносить абракадабру, выдавая её за магию. Настоящую магию использовать невозможно, потому что защита хранилища засветит вмиг! И эти гадики, конечно, тут же всё просекли. А потом – ни ножниц, ни хмырят… И в любимое Выхино вернуться нельзя, а то ещё любимые тётушки съедят с горя…

Подарга опять хихикнула, но вовремя притворилась, что просто чихнула.

– С горя – это мы можем! Я ему почему-то верю! – заявила она.

– А я вот нет! – отрезала Келайно. – Он должен заплатить жизнью за…

– …ножницы? – подсказал стожар.

– Нет! Ножницы мы тебе давно простили ради твоей мамы! Ты хотел утащить руно!

– А доказательства?

– Ты знал про наш купол! И кто ещё использует два-три капа, чтобы сделать то, на что другие тратят тысячи? Это стожарские трюки!

– Не только. Любого хорошего мага… – задумался стожар. – А огрызок яблока на месте преступления был? Может, откушенная шоколадка?

– НЕТ! – сказала Подарга, и на её круглых щеках появились две симпатичные ямочки.

– Ну, тогда я оправдан! Сами видите: это был не я!

Келайно взвыла:

– Ты нас надул! Ты специально их не положил! Или мы плохо искали! Я сейчас вернусь домой и найду целую кучу огрызков!

– О! Все слышали? – воскликнул стожар. – Эта милая женщина только что созналась в намерении сфальсифицировать улики!

– Погодите! – перебила Настасья. – Филат всё время был с нами, так что эту версию отбрасываем. Да и руно пока никто не украл. Лучше скажите: зачем руно могло понадобиться похитителю?

– В нём полно рыжья! – заявила Аэлла.

– Очень много? – уточнила Настасья.

– Ну, не так чтобы очень… Всё-таки это шкура золотого барана, а не сам баран! Но всё-таки остаточного рыжья в ней на добрый десяток тысяч магров!

– Немало… А кроме рыжья, от руна ещё мог быть прок? – заинтересовался Бермята.

– Вы слышали, что говорит этот человек? Ценность артефактов не измеряется одним рыжьем! – взревела Келайно. – Золотое руно уникально! Когда-то богиня облаков Нефела по приказу Зевса прислала золотого барана, чтобы спасти детей орхоменского царя Фрикса и Геллу от мачехи. На спине золотого барана они отправились к берегам Азии. По дороге Гелла не удержалась на баране и упала в море. Это место назвали Геллеспонтом. Сейчас это Дарданеллы. Фрикса же баран привёз в Колхиду, на территорию современной Грузии. Здесь барана принесли в жертву Зевсу. В роще Ареса золотое руно охранял дракон – и так до момента, пока его не похитили аргонавты. Ну а потом уже, после аргонавтов, хранительницами руна стали мы! Нас попросила об этом сама Нефела!

– И какими свойствами обладает руно?.. Ну, кроме остаточного рыжья? – спросила Настастья, покусывая кончик косы.

– Их много. Во-первых, это артефакт благоденствия. Тот народ, у которого находится руно, всегда процветает. Так было с колхами в Колхиде, затем с греками… Второе свойство – удачливость. Пока сидишь на золотом руне, не проиграешь ни в одну азартную игру. Третье – бесшумный полёт без крыльев, ведь баран был сотворён богиней облаков…

– Последний вопрос, – перебила Настасья. – Предположим, золотое руно действительно пытались украсть! Может ли похититель до сих пор думать, что его вторжение осталось незамеченным?

– Это у него надо спросить! Эй, похититель, что ты там думаешь? – спросила Келайно, косясь на стожара.

– Опять двадцать пять! Меня бы лабиринт не задержал! Я ещё не забыл, как вы издевались над бедным ребёнком! За каждой конфетой мне приходилось проползать километра по два! – заявил Филат и за отсутствием луны уныло завыл на лампочку.

Прочие гарпии, настроенные не столь категорично, быстро посовещались между собой.

– Вполне, – ответила за всех Аэлла. – Изменился только цвет магического купола. Если вор покинул нас ночью, то, скорее всего, он считает, что мы ничего не заметили…

Настасья выплюнула кончик косы, потянулась и рывком встала:

– Отлично! Тогда ближайшей ночью он вернётся, чтобы завершить дело! Конечно, прежде спрячется где-нибудь неподалёку, чтобы убедиться, что вы улетели. А мы с Бермятой его встретим… Оставьте адрес!

– Адрес знает он! – сказала Келайно, и её палец уткнулся в лоб стожару. Ноготь на пальце был такой длинный и острый, что им можно было делать хирургические операции.

– Адрес я забыл. Но хорошо помню дом! – заверил её стожар. – Узкий, серый, с балконами, торчащими как насесты. Торчит над Выхино как одинокий шпиль. Мама, помню, всё пыталась понять, зачем вы выбрали такое страшилище.

– Родных скал нам не хватает, – призналась Аэлла. – А тут архитектор очень нас выручил. Мы как только увидели этот дом – сразу его полюбили! Даже послали Подаргу поблагодарить архитектора. Она это сделала, правда потом он долго лечился.

– Я хотела как лучше. Купила тортик, цветы… Но он ошибся в моём имени!.. – Подарга передёрнулась, и её лицо стало злым как у хорька: – Назвал меня… не важно как… Это единственный случай, когда меня перемыкает.

– Точно, – подтвердил стожар, принимая на спинке дивана живописную позу отдыхающего льва. – Я тут как-то целый год не использовал магию, чтобы не засветиться, и от скуки ходил в девятый класс человеческой школы… Русский у нас вела учительница по фамилии Лауэит. Всякого, кто хоть раз ошибся в её фамилии, она заставляла разбирать по составу «кокамидопропилпропиленгликольдимонийхлоридфосфат» или считать основы у слова «водогрязеторфопарафинолечение».

Дмитрий Емец

– Мы вас ждём! До встречи! И берегис-с-с-с-с-сь, стожар, если у нас что-то пропадёт! – Келайно издала яростный вопль, от которого у Евы заложило уши, и, раскинув крылья, прыгнула в окно.

За ней последовали остальные гарпии. И каждая издавала свой отдельный, рвущий барабанные перепонки вопль. Аэллопа хоть и вылетела последней, быстро всех обогнала. Крылья у гарпий отличались, в какой-то мере отражая характер каждой. У Окипеты – аккуратные, пёрышко к пёрышку, у Келайно как у громадного грифа, у Подарги – молодые, чёрно-блестящие и угловато прекрасные, с чёрным грачиным отливом. У Аэллы – тусклые, большие, но по краям словно припорошенные мелом. То ли от природы такие, то ли она их покрасила из каких-то своих соображений.

– Улетели девочки. И как они вам? Впечатляют? – спросил стожар.

– Убоись, призрак клинический! Ты точно не был у них сегодня ночью? – поинтересовался Бермята.

Филат надулся:

– Скверно иметь подмоченную репутацию! Всякий раз, как у вас что-нибудь исчезает, вы сразу начинаете подозревать меня…

– Серьёзно? – улыбнулась Настасья.

– А вы не заметили? Вы с Бермятой по сто раз в день меня спрашиваете: «Ты не видел? Ты не брал?» Когда же я действительно что-нибудь беру (а мне тоже бывают нужны чашки, одеяло или что-нибудь в этом духе), немедленно звучит второй вопрос: «А зачем ты это взял?» Чтобы продать на барахолке, разумеется!.. Я этого не переживу! Это так ужасно! – Филат отвернулся к стене, и спина его задрожала от рыданий.

– Перестань ржать! А то двину! – серьёзно предупредил Бермята.

Спина стожара перестала дрожать. Настасья подошла к окну и закрыла его. Потом подобрала шлем-бацинет и, постукивая по нему пальцами, сказала:

– Одно из предсказаний сбылось. К нам обратились за помощью. Надеюсь, что хотя бы со вторым предсказанием Ноумен из Теневых миров ошибся и сегодня ночью нас никто не захочет убить.

– Само собой, ген аллельный! – успокоил её Бермята. – Но на твоём месте я бы чем-нибудь вооружился!

– Я всегда вооружена… У меня есть мой интеллект, коса, туфли и шарф!

Глава 3
«Царь козявок! Директор букашек! Великий начальник всех таракашек!»

Выгоднее всего вести войну так, чтобы о ней не знали. Тебя убивают, а ты не защищаешься, считая, что и войны никакой нет.
Фазаноль

План составился быстро. К гарпиям отправляться не раньше девяти вечера. Стожар заверил, что раньше они не вылетают. В Выхино от их воплей можно окончательно оглохнуть. Здесь гарпии ещё скромничали, у себя же дома так орут, что только магия третьего уровня спасает соседей от психического расстройства. Из-за магии соседи ходят заторможенные, раз по десять задают друг другу какой-нибудь вопрос, раз по десять на него подробно отвечают, а потом расходятся задумчивые и говорят друг о друге гадости.

– Значится, так, лейкоцит огнедышащий! – сказал Бермята. – Летим на «Ровере». «Ровер» спрячем где-нибудь недалеко от их дома, но так, чтобы он не бросался в глаза.

– Отлично! С собой возьмём Тибальда и Любору. Захватим по пути, – добавила Настасья.

– А их зачем?

– Они, как магзели, придадут нашим действиям официальности. Кроме того, Тибальд отличный эксперт. Пусть проверит защитный купол. Возможно, наш ночной гость наследил и есть в базе.

– В какой базе? – спросила Ева.

– В базе магий, разумеется. У каждого магия имеет неповторимый оттенок. Она как отпечатки пальцев. Просветит её Тибальд в свой приборчик – и сразу по десятку разных параметров видно, кто её применил, особенно если прежде маг уже где-то засветился… Любора же в бою стоит трёх атлантов!.. Ева! Ау, дорогое дитя! У тебя есть несколько свободных часов! Иди учи драконов! Хочешь, чтобы весь вечер за тобой гонялся молоток совести?

В школу Ева не ходила с сентября. От школы Настасья освободила её очень решительно. Достала магическую справку, которая сама себя продлевала каждые две недели. Однако легче Еве не стало. Освободив её от школы, Настасья не освободила её от необходимости образования. Выдала ей кучу магических книг с кошмарным характером. Одну из них, например, нужно было подкармливать кусочками мяса. Другую – мухами. Третья пыталась подкормиться тобой, если ты плохо запоминал урок. Вопросы же книга задавала коварные: «Что было написано у меня на предыдущей странице на третьей строке сверху?»

– Бред! – дерзко отвечала Ева и бежала спасаться к стожару. Книга, хлопая страницами, гналась за ней.

– Не так! – сказал стожар. – Не надо говорить: «Бред!» Ты её обижаешь. Ты отвечай: «Нечто гениальное!» Вот увидишь – такой ответ всегда прокатит.

Самым любимым у Евы был «Справочник практикующего ветмага». На первый взгляд казалось, что в нём не больше ста страниц, но уже через пять минут ты обнаруживал, что «сто страниц» легко исправить на «десять тысяч».

Одних драконов в справочнике перечислялось не менее трёхсот видов. Выглядели они по-разному. Некоторые – как шар, некоторые – как крылатая верёвка. И каждого предлагалось лечить по-своему, учитывая его базовую стихию. Базовых стихий было четыре: земля, огонь, вода, воздух. Отдельно вычленялись газ, плазма, звук, молния, свет. И у каждого дракона была своя форма атаки. Условно говоря, водный дракон мог дышать раскалённым паром, а мог и огнём – в зависимости от того, переселились ли его предки с суши или всегда жили в воде. И таких тонкостей было множество. У Евы глаза на лоб лезли. В плазму, например, переходят разозлённые огненные элементали. Выходит, плазма – это огонь? Но огонь – это реакция окисления… А может водяной элементаль, например, потерять электрон и ионизироваться?.. Джинны же вроде могут? Стоп, но тогда это будет другая плазма, не такая, как у элементаля огня! Или не другая? Получается, плазма везде разная? Мама, спаси меня от знаний! Я буду хорошей хозяйкой! Буду печь блинчики! Может, знания для того и нужны, чтобы люди поняли, как это здорово – просто стоять у плиты и печь блинчики!

А с молотком совести была вот какая история. Ещё с самого начала, вручая Еве книги, Настасья предупредила:

– Каждый день проверять у тебя уроки мне будет лень! Ты это скоро поймёшь и начнёшь халтурить. Поэтому, чтобы тебе было легче – вот! – она подбежала к шкафу-кладовке, который вмещал целую вселенную предметов, и принялась в нём рыться. Наружу вылетали отдельные вещи, в то время как голос Настасьи рассуждал в глубине шкафа: – Я как наш домовой. Не люблю ничего выбрасывать… Это во мне от бабушки… У неё одних пуговиц было около четырёх тысяч. И кроме того, странная банка с надписью «Крылышки мух, которых я когда-то видела». У меня от этого перемыкало мозг… Ага, нашла! – Настасья вынырнула из шкафа с деревянным молоточком, к которому была прикреплена синяя гармошка-пищалка. Когда молоточком по чему-то ударяли, гармошка издавала звук «пик!».

– Что это? – с тревогой спросила Ева.

– Голос совести, – сказала Настасья. – Мои родители-магоборы испортили мне им всё детство!

– Он же меня не убьёт? – спросила Ева, тревожась.

Настасья задумалась.

– Да нет, – ответила она не очень уверенно. – Но на твоём месте я бы не доводила его до крайности. Голос совести – он, видишь ли, очень настойчивый… А сейчас мы настроим его на твоё сознание!

И с этими словами Настасья несильно тюкнула Еву по лбу молоточком. «Пик!» – с предвкушением произнесла гармошка-пищалка. И для Евы началась новая, условно счастливая жизнь.

* * *

Комната, которую отвели Еве, прежде принадлежала сестре Антона Чехова Марии. Располагалась она рядом с гостиной. Кровать, письменный стол, диван, мольберт и кое-какие фотографии на стенах. И больше практически ничего. Как-то около часа безуспешно проискав расчёску, Ева убедилась, что раньше люди жили скромно. Любой человек мог перечислить, сколько на его полке стоит книг, сколько у него перьевых ручек, тетрадей и карандашей, и даже насколько сильно каждый карандаш исписан. Любое платье многократно перешивалось. Любая вещь латалась до бесконечности и никогда не выбрасывалась. Когда же приходила в такую негодность, что и латки некуда было ставить, из неё делали лоскутное одеяло. Даже у Екатерины II было меньше личных вещей, чем у любой современной девушки. Конечно, некоторые предметы царицы могли стоить дорого, например, шкатулку могли украшать брил-

лианты, но самих предметов было мало. Царица помнила каждый свой веер и переживала за каждое разбитое блюдце. И это царица. Что же тут говорить о бедной курсистке!

Ева открыла книгу и принялась за драконов. Помогая ей, рядом летал молоточек и голосом совести говорил «пик-пик!».

– Выражайся цензурно! – напутствовала Ева.

Пришёл стожар и улёгся прямо на полу. Он был невесел и грыз ногти. Ева видела, что его что-то тревожит, но он, конечно, не скажет сразу. А может, и вообще не скажет. Скрытный тип.

– У тебя что-то не так? – спросила она.

– У меня всё так! – пасмурно отозвался Филат. – Ты не обо мне думай, а о драконах. Люблю трудящихся людей! Смотришь на них – и сам как будто работаешь! Лучше как-то становишься, благороднее…

Ева отвлеклась от драконов и стала размышлять, чем в него запустить. Бросаться в Филата вещами было опасно. Вещи, которыми в него сгоряча швырнули, он никогда не возвращал. Оставлял их себе как трофей. И выброшенные вещи тоже не отдавал. Однажды Ева выбросила свою футболку, у которой на плече после стиралки появились две маленькие дырочки. Стожар, всячески поощряя это решение, позволил ей закинуть футболку в мусорный пакет, а потом хладнокровно выудил, отряхнул и забрал себе.

– А-а! Не смей! Это моё! – закричала Ева.

Стожар отвёл в сторону её руку:

– Уже не твоё! В тот момент, когда человек выбрасывает предмет, он от него отрекается. Человек и предмет расторгают союз!

И больше, сколько Ева ни ныла, он ей эту футболку не отдал. Сам носил.

Но Ева всё-таки вышла из положения. Поймала летающий молоточек и запустила в стожара голосом совести. Пусть забирает, если хочет. Но на голос совести он не покусился.

– Свирепо, но мимо! Чужая совесть бьёт небольно. Это своя грызёт и пинает, – прокомментировал он.

– И правильно. Должен же кто-то тебя пинать!

– Думаешь, должен? А я вот временами сомневаюсь.

– Ты мог бы сомневаться где-нибудь снаружи?

– Не-а. Там химеры бродят скучающие и путают меня с мышкой. Я объясняю, что я не мышка, а на крайняк ёжик, но они не понимают…

– Правда? – удивилась Ева. – А меня Гризельда не трогает!

– Ну так это ж ты! Царь козявок! Директор букашек! Великий начальник всех таракашек!

Ева вспыхнула:

– Не дразнись! Никто не виноват, что твой единственный друг в животном мире – бычий цепень. Только он может постичь твою великую душу.

Стожар захохотал:

– Язычок у тебя как у Окипеты!.. А теперь скажи-ка: не надоела ли тебе магия? Признайся, что она выносит мозг покруче алгебры! Вначале бедных деток учат, что делить на ноль нельзя, а кто будет делить, тому будет бяка в дневник. В институте их переучивают, что делить на ноль всё-таки можно, но не имеет смысла, потому что получится бесконечность. Потом смысл всё-таки обнаруживают и дают тому, кто его нашёл, Нобелевскую премию… Причём не бедному двоечнику, который догадался делить на ноль самым первым, а лысому профессору, стащившему у него идею! Ну и где в мире правда?

Ева уткнулась в книгу. От бесконечных драконов в разрезе, со стрелочками, подписанными на латыни, голова у неё пухла как шар и, вяло взмахивая ушками, куда-то начинала улетать.

Филат вскочил и выхватил у неё книгу:

– Отвлекись! Давай научу тебя кое-чему! Стожарская наука! Секрет любого ускорения – в замедлении! Чтобы что-то увидеть, не надо бегать! Надо всматриваться! Выбери любую мелочь и всмотрись в неё! И увидишь, что предмет сам начнёт тебе всё рассказывать! Любой пень в лесу больше знает о мире, чем мы с тобой, потому что он неподвижен, а мы бегаем как тараканы.

– Не понимаю!

– Этого нельзя понять. Это можно только почувствовать. Как стожар за три капа сделает то, на что магзель потратит сто магров? Стожар думает! Магзель с героическими воплями будет пробивать у танка лобовую броню, а стожар разберётся, на что у механика-водителя аллергия, и через ствол пушки направит в ноздрю танкисту кошачий волосок…

Филат заставил Еву лечь животом на деревянный пол и смотреть на капли краски.

– Ну? Что они тебе рассказывают? – спросил он.

– Что ты глупый! – отозвалась Ева.

– Мм… Не верь им! Скажи – сами такие!

– Вы сами глупые! – охотно сообщила Ева каплям. Лежать на полу было чуть утешительнее, чем читать про драконов – если бы только молоточек вокруг не летал.

– Только не надо впадать в уныние! – наставлял стожар. – Некоторые могут часами лежать щекой на столе и тоскливо созерцать пылинку… Это не созерцание! Это просто человек хочет спать, но чувство ответственности ему мешает! А ты смотри и думай… Вот смотри: где-то два слоя краски, а где-то один… Ищи причину! А вот трещина между досками – отчего там блестит? Может, туда лишь краска натекала? Красили не кистью, а валиком! А вот древесина стёрта – словно тропинка! Здесь пролегал постоянный маршрут. Куда маршрут, откуда? К окну? От двери к столу? Может, мебель стояла как-то иначе?

– Откуда я знаю! – огрызнулась Ева.

– И я тоже не знаю. А ты спроси у капель краски! Они, возможно, не знают, они свежие, но они спросят у пола, а пол – у стен. У предметов друг от друга секретов нет. Так, например, лес как целое умнее одного отдельно взятого дерева, но ум этот коллективный, поэтому одновременно является умом и отдельного дерева! И даже щепки этого дерева. А лешак – это как бы собирательная овеществившаяся душа… Но об этом сейчас не думай! Твоё дело – поговорить с каплями. Что-нибудь от прежней комнаты точно осталось, и ты это обязательно увидишь!

– Не получается!

– Это потому, что ты спешишь. Ты как орущий ребёнок, вбежавший в комнату! Слишком возбуждена, чтобы что-то понимать.

– Неправда!

– Говорят тебе: замедлись! Не толкай предметы своими мыслями, не пугай их бестолковщиной! Не спеши, плыви в потоке. Просто смотри с любовью и думай: ведь они тоже существуют в бытии. Они созданы, они не напрасны. Они кому-то нужны!.. Не то что… не важно… смотри!

Ева послушно стала смотреть на капли. Поначалу она видела лишь капли. Потом подумала про одну каплю, что она похожа на вулкан. У неё даже кратер был, хоть и крошечный. А вон та, что в трещине, наверное, очень осторожная капля. Она спряталась и выглядывает оттуда с довольным видом… На неё-то никто не наступит!

«С ума сойти можно! Мне надо учить драконов, у меня молоток сейчас пищать будет – а я смотрю на капли как ненормальная!» – рассердилась Ева.

Она хотела оторвать от пола голову, чтобы сообщить стожару, что у неё ничего не вышло и больше она ерундой не занимается, но внезапно ощутила, что рядом с ней кто-то стоит. И это не стожар, который был сейчас у окна, где задумчиво жевал листик фиалки. Он обожал пробовать на вкус всё подряд, включая капельки смолы на дереве или кусочки бумаги.

Ева тревожно зачерпнула взглядом пространство позади себя и внезапно увидела высокий складной столик со спускающейся с него тканью, на столике – книгу, а рядом – женскую фигуру в длинной ночной рубашке. Девушка была совершенно реальной – не призрак и не привидение. Всё это продолжалось несколько вязких, растянувшихся в участившихся ударах сердца мгновений, а потом девушка растаяла. Ева бросилась туда, где она стояла, и обнаружила, что вытоптанная в половицах тропинка завершается небольшим островком вытоптанного пола – словно полянка в лесу.

– Что-то увидела? – спокойно спросил стожар, продолжая спокойно жевать фиалку, но из осторожности не глотая. Он однажды отравился традесканцией и теперь не рисковал.

– Да! Кровать стояла совсем не в том месте! У другой стены! И вон тот подсвечник… он тут чужой. Он Марии Чеховой не принадлежал… Его просто за компанию подобрали. А тут столик стоял – высокий, складной… Сейчас его в комнате почему-то нет. А перед ним была девушка! Молилась, наверное… – Ева, захлёбываясь, выпаливала слова.

– Вот видишь, как иногда полезно разговаривать с предметами! – довольно сказал стожар. – Только, пожалуйста, потихоньку! Недавно один дяденька стал разговаривать с турникетами в метро, и его не так поняли. Хотя турникеты, на мой взгляд, были только рады пообщаться. Их все считают строгими, а на самом деле они очень застенчивые, оттого и стоят всё время захлопнутые.

– А Настасья этот способ использует? Ведь от предметов можно всё узнать! – спросила Ева.

– Далеко не всё. Только то, что происходило продолжительное время. Молилась Мария Чехова, видно, утром и вечером, каждый день, и комната это запомнила. Но ведь к ней и подруги приходили, и брат Антон заглядывал, но ты всего этого не увидела. Так что способ хороший, но не универсальный. Всего лишь один из стожарских приёмчиков. – Филат что-то вспомнил и улыбнулся. – Правда, есть одно исключение, довольно полезное. Вещи, как и люди, запоминают человека, который причинил им боль, даже если это кратковременная боль. Сядь на гвоздь – и ты его сразу выделишь из общего ряда… Ты, например, когда-нибудь разговаривала с боксёрской грушей в комнате Бермяты?

Ева вежливо ответила, что пока, по счастью, нет.

– И напрасно. Очень тяжёлая судьба у груши. Бермята называет её Эдуардом Петровичем. Когда у него скверное настроение, он подходит к груше, бьёт её и говорит: «Ты неэффективен, Петрович! Ты не добился этой женщины!»

– Он спятил?! Зачем Эдуарду Петровичу добиваться женщины, когда он просто боксёрская груша? – удивилась Ева.

Стожар провёл пальцем по своим лохматым бровям. Когда он так делал, Еве каждый раз казалось, что он уколется о проволоку.

– Эдуард Петрович тоже так считает – и очень обижается! – сказал он.

– Я сейчас тоже обижусь и начну метать молнии! Нечего в мою жизнь лезть! В своей гвоздиком ковыряйтесь! – серьёзно предупредил кто-то. В дверях комнаты стоял Бермята с тарелкой в руках. – Я вам бутерброды принёс с расплавленным сыром, но теперь мне хочется их самому съесть, чтобы вы нравственно страдали!

– Простите! – торопливо сказала Ева.

Бермята запыхтел и простил.

– Волшебное слово это – «простите»! Чем раньше его произнесёшь, тем труднее будет к тебе придраться, – буркнул он. – Человек ещё не разозлился, ещё кровь в нём как следует не разогрелась, он ещё не успел доказать тебе, какая ты вакуоль амёбная, а тут уже раз! – и повода нет ругаться. Главный принцип – чтобы сразу после «простите» не сорваться в самооправдание. Тут уж тебя догонят и встряхнут!

Бермята уселся на кровать Марии Чеховой, и вскоре они уже вместе ели бутерброды. Расплавленный сыр где-то расплавился хорошо и тянулся как жвачка, а где-то пересох и дыбился корочкой.

– Вы очень обстоятельный! – сказала Ева, вспоминая своего папу, который мог полчаса мыть чистую чашку.

– Э-э, – отмахнулся Бермята. – Я хозяйственный лоботряс! У нас с Настасьей было совершенно разное детство. Она должна была просить у родителей разрешения, даже чтобы завести белую мышку. Ей приходилось долго строить планы, подбирать моменты, когда у мамы будет особое настроение, разбирать всякую там тонкую мимику лица, давать маме обещания следить за этой мышкой и обучать её игре на скрипке. А у меня всё было строго наоборот. Мои родители или орали на нас, или обнимались. Одно из двух. И всё было можно! Я вообще ни о чём родителей не спрашивал. Мог завести хоть двести носорогов… И родители ничего бы мне не сказали. Разве что завели бы какую-нибудь птицу Рух, которая поклевала бы моих носорогов.

– Разумеется, про носорогов было сказано ради красного словца? – осторожно спросила Ева.

Бермята тему развивать не стал, и вопрос так и подвис.

– А с любовью я запутался!.. – продолжал Бермята. – Мне нужно уже на ком-нибудь жениться, потому что нужна же ясность! С Настасьей взвоешь! Я потомок трактористов и животноводов! Я устроен так просто, что в упор не вижу сложностей: кто там в себе разобрался, кто не разобрался! Всё равно как сидеть перед тарелкой, ковыряться вилкой и полчаса отвечать на вопрос, голоден ты или нет! – Он уставился на тарелку, но там ничего не было. Последний бутерброд съел стожар. Потомок трактористов вздохнул и почесал свой далёкий от стройности, но в целом компактный животик. – Хотя, конечно, тут есть нюансы! Когда-то, ещё до Настасьи, я был влюблён в одну девушку. Страдал, что получаю мало внимания, хотя девушке я в целом нравился. А потом я разобрался, что у каждого человека свои приоритеты и своя ёмкость души. Той девушке на общение нужно было пятнадцать минут в день. И, допустим, десять минут из своих пятнадцати она готова была уделить мне. А всё остальное время грызла фундамент науки и даже трубку не снимала. И если бы я тогда это понял, то, конечно, эту девушку бы получил, причём не прикладывая никаких усилий. Но мне нужно было много внимания! Десять минут в день – не моя норма! И моим детям, которых ещё нет, десяти минут в день тоже будет маловато.

– А ваша норма какая? – спросила Ева.

– Мм… У меня она большая! – заявил Бермята. – У меня талантов мало, и все они в руках, так что я могу целый день болтать… Хотя, конечно, иногда я затихаю! Вообще тонкая штука – валентность для общения! Она иногда открывается, а иногда закрывается, и ты не можешь выдавить из себя даже искренней улыбки или проявить к кому-то интерес. Пытаешься симулировать, но так паршиво получается, что люди просекают подмену и обижаются. Им кажется, что не хотят общаться лично с ними – а не хотят общаться вообще. А через какое-то время валентность открывается – и всё опять работает…

– Так может, ты сделаешь Настасье предложение? – спросила Ева.

Бермята опять запыхтел как ёж и решительно встал. Настроение его обрушилось в пропасть, забыв захватить парашют.

– Пойду-ка я поговорю на эту тему с Эдуардом Петровичем! Петрович мне за всё ответит! – пригрозил он.

* * *

Вечером все погрузились в «Ровер» и полетели на станцию метро «Беговая», где на шестом этаже пятиэтажного дома (да-да, именно так!) жил грозный эксперт магзелей Тибальд.

«Ровер» бросили на крыше, на которой стояла прыгающая магшина самого Тибальда, а с ней рядом – два летающих мотоцикла, из которых один был с коляской. Кроме того, на самом краю, у спутниковых тарелок, притулился маленький красный «Матиз» с торчащими из люка на крыше стволами зенитного пулемёта, который был едва ли не больше самого «Матиза» и сильно его перевешивал.

– И Любора сразу тут! Это она с пулемётиками развлекается! – пояснила Настасья.

– А пулемёт магический? – спросила Ева.

– Зачем магический? Обычный. Любора обожает оружие! Уверена, папа в детстве рассказывал ей примерно такие сказки: «В маленьком домике жила маленькая девочка, и был у неё пулемёт Дягтерёва с клавишным предохранителем и улучшенным магазином на сорок семь патронов».

– Хороший у неё был папа!

– Да, – отрывисто сказала Настасья. – Служил оружейником у магзелей, но однажды слился с Фазанолем и погиб. Обстоятельств не знаю, но обвинять его не могу. Один раз впускаешь в своё сознание Фазаноля, а вытеснить его потом очень трудно. Фазаноль никогда тебе не противоречит, но всегда выискивает в тебе главную слабость и раздувает её так, что она становится пожирающим пламенем. И управляет тобой, пока ты горишь. Большинство помощников Фазаноля выгорают за считаные недели… Пламмель и Белава исключение, но они же не совсем люди. – Настасья произнесла это сухо, без выражения, будто зачитывала этикетку. На Еву не смотрела. Однако той показалось, что у Настасьи к Фазанолю есть личные счёты.

В квартиру к Тибальду они спустились по лесенке, ведущей с крыши прямо на балкон. Когда они были на лесенке, Ева случайно заглянула в чердачное оконце. В тесной комнатке перед мерцающими мониторами сидели четыре скелета и что-то напряжённо рисовали на планшетах. Между ними прохаживался пятый скелет, одетый в живописные лохмотья надсмотрщика на галерах, щёлкал плёткой и повторял: «Больше добра! Больше котиков!» Опять щелчок и опять: «Больше добра! Больше котиков!»

– Что это?! – охнула Ева.

Бермята, отодвинув её, заглянул в окошко:

– Убоись, эксплуататор чёртов! Я же говорил, что все картинки за него скелеты рисуют! Настасья, говорил я или нет?

– Ты говорил: «детские книжки».

– И их тоже… Ну ничего! Поймает как-нибудь этого некроманта парочка некрофагов!

– Тшш! Мы уже на месте! – Настасья постучала в балконное стекло. – Привет, Тибальд! А мы тут крюк в двадцать километров сделали, чтобы мимо тебя пролететь!..

Тибальд недовольно отодвинулся, пропуская их. Он был в шёлковом халате, небрежно запахнутом и открывающим заросли чёрной шерсти на груди. Косточка из нагрудного кармана исчезла, зато на голове появилась турецкая феска.

– Привет, старый жулик! Сегодня ты похож на брачного афериста больше обычного, – приветствовал его Бермята.

– Я тоже рад тебя видеть. Если быстро скажешь, чего тебе надо – обрадуюсь ещё больше! – кисло отозвался Тибальд. С мужчинами он всегда был вял, игнорировал сам факт их существования и оживлялся только при виде хорошеньких женщин.

– Тибальд, продолжаем! – послышался звонкий голос за его спиной.

Посреди длинной комнаты, явно растянутой при участии пятого измерения, стояла Любора. На могучей девушке был сетчатый свитер-кольчуга. Над плечами приплясывали стреляющие трубы, перемещающиеся вместе с её взглядом. В одной руке у неё был лист картона. В другой – небольшая бронеплита размером с книгу.

– Я готова! – доложила Любора.

Тибальд разом вскинул руки, точно готовящийся играть пианист. На его безымянных пальцах сверкнули боевые перстни, выкованные в форме змей. Головки змей хищно выступали вперёд. Такой же перстень в форме обвившей палец бронзовой змейки Ева видела у Пламмеля в электричке.

– Давай! – крикнула Любора. Тибальд выпустил из правого перстня белую искру. Искра устремилась к Люборе, но та небрежно смахнула её листом картона:

– Ещё!

Тибальд выпустил другую искру – уже из перстня на левой руке. Эта искра была крупнее первой, но тоже белая. Искру Любора отразила уже не картоном, а бронеплитой. И так раз за разом. Порой Тибальд хитрил, выпуская несколько искр подряд из одного перстня или меняя перстни. В какой-то момент Любора ошиблась, и искра прожгла бронеплиту насквозь, оставив в ней узкое входное отверстие. Сама Любора успела присесть.

– Видел?! Как иголочка сквозь маслице прошла! А ведь даже не нагрелась! – воскликнула она, в восторге потрясая бронеплитой.

Ева жалась к стенке, напуганная отлетавшими искрами, некоторые из которых гасли почти у её ног.

– Как можно картоном отразить то, что пробивает броню? – спросила она.

– Можно, – отозвался Бермята. – Это у заурядцев если что-то пробивает броню, то оно пробьёт и бумагу. Магия – это не пуля и не луч лазера. Она всегда узкоспециализированная. Если искра заточена под бронеплиту, её несложно отразить листом картона. Ну и наоборот.

– Почему?

– Долго объяснять. Если совсем просто: в картоне и бронеплите разное распределение базовых стихий, к каждой из которых нужен свой ключ. Знаменитая защита антимаг – это, по сути, огромный бутерброд из кучи разных слоёв, включая металлы, ткани, картон, керамику и всё что угодно. Чтобы пробить всё это сразу, приходится создавать искры просто чудовищной магической стоимости.

Подбежавший Тибальд возбуждённо замахал руками, попутно остужая перстни.

– Предыдущий антимаг пробить всё-таки можно! – поведал он. – Но мы сейчас разрабатываем новый! Вложили в разработку полмиллиона магров. Привлекли три института боевой магии. Прибавили ещё десяток слоёв, включая лёд и огонь! Плюс полная купольная защита ног и головы! Ни один боевой перстень такого магического напряжения не выдержит. По пальцу растечётся! То-то будет сюрприз для Фазаноля!

– Но не для стожара! – не удержавшись, шепнул Еве Филат. – Достаточно будет вызвать конфликт двух находящихся рядом антимагов. Стравить, например, воздух в одном с землёй в другом… Или огонь с водой… Атланты, одетые в антимаги, начнут врезаться друг в друга с такой силой, что разнесут всё вокруг. И от силы это обойдётся капов в пять…

– А если атлант всего один?

– Тогда подменю его жилет рапознавания «внутри» или «снаружи». Магия и без того их вечно путает. Жилет будет воспринимать как врага самого атланта и защищать от него всё – ха-ха! – что находится снаружи. Но этот обойдётся уже в целый магр… Дороговато!

– О чём вы там шепчетесь? Чего дороговато? – с подозрением спросил Тибальд. – Он оказался рядом и вперил в стожара свои внимательные глазки.

– Говорю: дороговато прожигать будет! Магии не напасёшься! – не моргнув глазом сказал Филат.

– Это точно: не напасёшься! Но впредь, молодой человек, знайте: такие вещи можно смело произносить вслух! Они весьма и весьма похвальны! – сказал Тибальд и поощрительно похлопал стожара по плечу.

Люборе не хотелось продолжать тренировку, и она взялась за приготовление ужина. Готовила она так быстро, что Настасья дважды щурилась, подозревая темпоральные махинации. Ну не могут руки человека в одну минуту переделать столько дел!

– Тебе как обычно – яичничку из тридцати яичек? – поинтересовалась Любора у Бермяты.

– Можно и из двадцати пяти. Ну и картошечки – так, чисто символически… – отозвался тот, скромничая.

– Само собой… Я уже почистила полведёрочка. А тебе, Настасья?

– Веточку укропа и одну маслину.

– Буржуазненько! – одобрила Любора. – Только не уверена, что у Тибальда есть маслиночки.

– У меня как в Греции – всё есть! – гордо произнёс Тибальд.

– Здорово! Но вот свой холодильничек открывай сам! Терпеть не могу заглядывать в холодильнички к некромагам! – сказала Любора.

– Я не некромаг! Я художник! – возразил Тибальд, приоткрывая дверцу холодильника самое большее сантиметров на пять и зачем-то сразу загораживая её спиной.

– Правда? А на работушке почему-то уверены, что ты экспертик!.. Маскируешься, кисочка?

– Они заблуждаются. Их сбивает с толку, что я гений, – поморщившись, сказал Тильбальд и неосторожно отодвинулся. Глаза у Люборы расширились, и оба гранатомёта на её плечах чётко показали на среднюю полку.

– ЧТО У ТЕБЯ ТАМ?

– Ничего! Всё приобретено законным путём и используется во благо человечества! – Некромаг торопливо достал маслины и захлопнул дверцу. – Возникла неловкая пауза, которую первым нарушил тот же Тибальд: – На работе сейчас тяжёлая полоса! Только с Люборой и оторвёшься. Каждый день совещания, втыки, инструктажи! Начальство шпорит нас, чтобы мы что-то делали! Чтобы не быть виноватыми, мы все притворяемся, что что-то делаем, но по факту всех тех, которые что-то делали, давно уволили, потому что они забывали притворяться, а просто что-то делали.

– А Нахаба как?

– Прекрасно. Чертит графики личной эффективности. Заказал свой портрет и повесил его на главной лестнице… Ну, не он, конечно, а подхалимы. Невер был, конечно, против, но уступил воле масс. Теперь опаздываешь на работу – а на тебя укоризненно смотрит любимый начальник с портрета!

– Тибальд, – сказала Настасья, – не злобствуй! Все знают, что на самом деле ты очень ответственный!

– Да! – довольно кивнул Тибальд. – Ответственный. Если хочешь, могу тебя покусать, и ты тоже станешь ответственной!

– Укуси лучше Бермяту или стожара. Мне и своей ответственности хватает!

– Увы, мужчин не кусаю. Мой дедушка-волкодлак не кусал – и мне не велел! – отказался некромаг.

Помогая картошке поскорее свариться, Любора выпустила из труб на плечах пару термических зарядов. Кухню обволокло душным паром, и на миг все словно провалились в пароходную трубу.

– Картошечка готова! Сейчас положим на тарелочку, и можно подавать на столик! – сообщила Любора.

Ева уже начинала привыкать к её бесконечным уменьшительным суффиксам. Как, интересно, Любора делает доклады на рабочих совещаниях? Видимо, так: «Тут вот негодяйчики! Мы подкрадываемся и бьём их кулачками по головушкам! Выскакивают новые негодяйчики

и начинают стрелять в нас из искромётиков! Тогда вот тут мы ставим плазменный магомётик и стреляем в негодяйчиков чёрными дырочками… Главное – чтобы рядом не оказалось многоэтажечки!»

– Нахаба сейчас злой как собачечка! – наябедничала Любора, открывая форточку, чтобы вышел пар.

– А что стряслось?

– Мы потеряли двух магентов, – пояснил Тибальд. – Они успели сообщить, что Фазаноль планирует что-то крупное, не менее глобальное, чем с хафгуфой, но потом перестали выходить на связь… Правда, одного магента мы обнаружили. Его прислали нам в банке с фасолью. Хорошо, что я ем всегда в очках: привычка эксперта, знаете ли, – всегда тщательно рассматривать то, что ты жуёшь… – Тибальд щёлкнул ногтем по своим выпуклым стёклам. – Печёная фасоль по-сербски! Наш магент был уменьшен в сорок пять раз, а скорость всех его биологических процессов увеличена в сотни раз. За один наш день он прожил девяносто своих лет и умер быстрее, чем мы успели придумать, как ему помочь…

– А он не оставил никаких записей?

– На чём? На фасоли? – опять влезла Любора. – Она плохо располагает к письменности. Да и вообще мы нашли его поздно, когда ему было хорошо за восемьдесят, из которых добрых пятьдесят годочков он провёл в банке с фасолью. Рассеянный такой дедулечка. Какие-то клочочки одежды, борода ниже коленушек. Он уже плохо помнил, кто такой Фазаноль, а слушать наши голоса вообще не мог – любой наш вопросик звучал для него как рокот, длящийся долгие неделюшки. Он засыпал где-то на половине слова. Какое уж тут общеньице!

Бермята озабоченно взглянул на часы. Они были на бронзовой цепочке, старинные, похожие на небольшую луковицу – подарок бабушки на восемнадцать лет. Временами часы впадали в панику, начинали вертеть стрелками, и их торопливое тиканье явственно превращалось в голос: «Опоздаешь! Опоздаешь! Опоздаешь!» Утром, зная ленивую неспешность хозяина, часы хитрили и прибавляли полчаса. Бермята, зная эту их хитрость, мысленно минусовал час, и всё равно ухитрялся опоздать.

– Пора к гарпиям лететь!.. И вас мы берём с собой! – сказал он Люборе и Тибальду, после чего быстро ввёл их в курс дела.

– Надо же! Золотое руно! – воскликнула Любора.

Она согласилась мгновенно. Тибальд попытался заупрямиться, заявив, что ему ещё всю ночь рисовать. И при этом тревожно покосился на чердак, на котором шла напряжённая возня. Что-то там пыхтело, подскакивало, порой начинало пахнуть палёной проводкой.

– Что там у тебя? – спросил Бермята.

– Мыши… – торопливо ответил художник-эксперт.

– А сглаз на них навести не пробовал? Внушить им, что они летучие, чтоб они попрыгали вниз? Ну да, ты же великий гуманист, – сказал Бермята ещё наивнее.

– Да-да, обязательно… Ну, к гарпиям так к гарпиям! Помогать слабым женщинам – наш мужской долг! – ответил Тибальд и быстро засобирался.

Они вышли на балкон и по лесенке поднялись на крышу. В чердачное окно Ева увидела, что на стуле сидит туго связанный компьютерными кабелями скелет надсмотрщика. На стене же дома появилась крупная надпись:

«Обидеть художника может каждый. Мы вышли на тропу войны!»

Тибальд нахмурился и быстро оглянулся вокруг, но все культурно сделали вид, что ничего не заметили.

Глава 4
Настасья отвечает вопросом на ответ

Что бы человек ни говорил, он, по сути, транслирует только две вещи: «Я тебя люблю» и «Я тебя не люблю». Это воспринимается как доминанта. В остальной текст можно не вслушиваться.
Бермята

Ночка выдалась трудная. Местные циклопы не поделили с упырями территорию старой бойни и попросили маму стожара выступить в конфликте примиряющей стороной. Мама за такую работу обычно не бралась, но сейчас они очень уж нуждались в рыжье. И вот ранним утром мама и Филат возвращались домой. Мама спешила в душ. Она ненавидела ту гадость, которая наполняет упырей изнутри. Нет, это не совсем кровь. И не совсем желудочный сок. И не совсем упругое желе… Это именно гадость!

Мама ворчала, что циклопы их подставили.

– Примиряющей стороной… – повторяла она. – Примиряющей! Стороной! С упырями! Мелкие трения у них – как бы не так! Упыри сразу начали кольями махать, я ещё и рта не раскрыла! Это же вообще индийский боевик! Шутка пьяного режиссёра! Упыри пытаются загасить стожара… минуту внимания!.. осиновыми кольями! И я ещё взяла с собой ребёнка!

– Мам! Меня просто не с кем было оставить, потому что оставаться один дома я боюсь! – сказал Филат.

Мама сердито на него оглянулась. Филат прогуливал школу по малейшему поводу, и маме приходилось брать его с собой на стрелки с упырями, бои джиннов и прочие подобные мероприятия. И почему-то такая отговорка, как «я боюсь оставаться дома один», прокатывала. У мамы было странное мировосприятие. Она не боялась явных опасностей, допустим тех же упырей с осиновыми кольями, но могла испугаться чего-то неуловимого, существующего на грани реальности. Каких-то ощущений – даже слишком алого заката. Она начинала тревожиться, и Филат, конечно, знал, на какие кнопочки нажимать, чтобы добиться желаемого.

Скажешь: «Мам, мне приснился тревожный сон! Вроде как что-то ко мне ползло!» – и можешь не идти в школу. Зато если сломаешь ногу, мама скажет: «Ну и что! На одной допрыгаешь! Всего-то три километра!» – «Так я ещё и руку сломал!» – «Не правую же? И вообще, кто тебя просил бить атланта в челюсть? Ты что, забыл, что у них головы из мрамора?» – «Просто как-то так сложилось!» – «Плохо, что сложилось. Вот и хромай теперь в школу!»

Жили они на втором этаже ветхого деревянного дома с пристроенной снаружи лестницей. Лестница раскачивалась при каждом шаге, а с ней вместе раскачивался и сам дом. Находился он в одном из переулков центра Саратова, буквально в трёх шагах от шумной улицы. Сорок лет его собирались снести, но пока магическая комиссия не подписала документы на снос в городе-двойнике Магратове, который является магической изнанкой Саратова, снести дом не было никакой возможности. Заурядцы могли бить в него из пушек, сбрасывать на него авиабомбы –

и всё равно дом никуда бы не делся. В воздухе бы висел, но не обрушился. Века полтора назад в доме таинственно исчез алхимик. Дело это вяло расследовалось несколько десятилетий, после чего его списали в архив, но где-то в забытой отчётности подвисла галочка, и это сохраняло дому жизнь.

Более-менее пригодных комнат в доме было три. В одной обитал стожар, в другой – его мама, а третья служила для тренировок. Порой можно было подумать, что маме надоел её единственный сын. Вчера, например, она напустила на стожара меч-кладенец. Меч, настроенный более чем решительно, целый час честно пытался отхватить стожару голову, разнёс в щепки всю мебель – и так продолжалось, пока вошедшая мама не отогнала его. Маленький стожар лежал на полу и стонал.

– Ох! – сказала мама. – Был бы жив твой дедушка, он решил бы, что ты подкидыш! Не можешь справиться с посредственным мечом, у которого только и заслуг, что он дважды опустошил когда-то Нормандию! А ведь я его ещё и затупила!

– Я пытался! Он был экранирован от всех видов атакующей магии! – сказал стожар, с тревогой косясь на неподвижный меч.

– Привыкай! Всякий хозяин меча так поступает!

– Нет, не всякий!

– Всякий, дорогой мой, всякий! Правило первое: не считай врага идиотом! Это только в кино пехота идёт в атаку пешком и в полный рост, радуя пулемётчиков. На самом деле она или прячется за танками, или ползает по канавкам, перемещаясь короткими перебежками.

– У меня не было шансов!

– У тебя было полно шансов! Я тебе разжевала червячка! Тебе осталось только его проглотить! Сколько в комнате было зеркал? ДВА! Ты мог направить одно зеркало на другое и пробежать между ними. Меч погнался бы за тобой – и его бы задвоило. Теория бесконечных отражений. Магия меча не отличит отражения от человека, а если отражений два, то меч просто зависает между зеркалами, как железка между магнитами!

Но меч – это уже день вчерашний. Сегодня мама учила Филата иному.

– У тебя слишком большая желательная сила. С этим надо что-то делать! Желательная сила – это неплохо. Это сила жизни. Уменьшать её нельзя, но надо научиться контролировать! В детстве ты видел, например, лупу или пробирку для муравьёв и начинал дрожать… так сильно тебе её хотелось… Ты даже плакал… Чтобы успокоить тебя, мне приходилось ставить перед тобой несложные задачи. Например, по горошине перенести на десятый этаж стакан гороха и там ссыпать его в мисочку. Разумеется, без всяких лифтов. А потом ты получал лупу…

– Это плохо? – спросил Филат.

– Что «плохо»? Конкретизируй! Это хорошо, пока то, к чему ты стремишься, легко получить. Пробирку, лупу и так далее. Но представь, что тебе захочется, например, луну! Что тогда?.. Поэтому желательную силу надо ограничивать волевой силой. В какие-то моменты эти силы будут сдерживать друг друга, а потом начнут действовать сообща. Для начала же ты должен определиться, чего тебе НАДО желать. И от этого уже будет зависеть всё остальное. Но хватит теории… Сегодня мы будем развивать наблюдательность, терпение и волю!

Мама выставила на стол коробку из-под обуви. На дне коробки находились три живые осы, крупный паук-птицеед, сколопендра, маленькая косточка, светло-коричневое с крапинками яйцо и раздавленная улитка. И пара десятков муравьёв-пуля (Paraponera clavata), укус которых сравнивают с пулевым ранением. Изредка атакуя друг друга, насекомые ползали по дну коробки, а со стенок сразу падали – мешала магия.

– Вот! – сказала мама. – Часть этих существ и предметов – это то, что ты видишь. Другая часть – совершенно не то, что ты видишь! И кроме того: где-то среди них спрятан стальной пинцет из магазина медтехники, о котором ты меня раз сто просил. Наблюдай! У тебя только

две попытки. Если со второй попытки ты не найдёшь пинцет, тебе придётся грезить о нём дальше. – И мама ушла.

Филат же стал созерцать содержание коробки. При одной мысли о пинцете в нём вскипала желательная сила, о которой говорила мама. Хотелось хватать всё подряд. Но прежде он решил пересчитать предметы и насекомых. Их оказалось восемь (кроме муравьёв) плюс двадцать четыре муравья. Всего тридцать два. И всего два шанса. Да, здесь лучше не спешить!

Филат заставил себя отдёрнуть руку. Первым делом он растянул углы глаз и попытался посмотреть на предметы истинным зрением. Мама такой вариант, разумеется, предусмотрела. Тогда Филат предположил, что пинцет – это косточка. Вроде бы похожи вытянутой формой, и оба не шевелятся! Это же так просто! Желательная сила захлестнула Филата. Он схватил косточку – и немедленно получил болезненный укус. Косточка оказалась одним из муравьёв. И кстати, боль была терпимой. Что за бред про пулю?! Не намного больнее укуса обычной осы. Бросил косточку, отдёрнул руку и, обсасывая палец, задумался.

Мама сидела в соседней комнате. Успокаивающе бормоча, извлекала из сосуда застрявшего джинна, который в случае неудачи уничтожил бы маму, а заодно и город Магратов. Сохранность глиняных сосудов в средней полосе России – серьёзная проблема. Россия – многонациональное государство, и среднеазиатских джиннов в ней больше, чем в самой Азии. Но кто помнит о том, что джиннов нужно хранить в хорошо вентилируемых помещениях с фиксированной температурой и низким уровнем влажности? Вместо этого сосуды тупо закапывают в землю или бросают на дно рек! Со временем горлышко внутри известкуется. Джинн пролезть не может. Начинаются сложные химические реакции, выделяются сторонние газы, джинн смешивается с ними, и у него портится характер.

Но маленького Филата сейчас волновал не джинн, а коробка. Целый час он заставлял себя не спешить и просто наблюдал. Некоторое время спустя он обнаружил, что муравьи, ползая рядом с яйцом, движутся словно бы по воздуху. Некоторые же муравьи словно ныряют в яйцо. Это могло возникнуть только в одном случае – если на самом деле яйцо было не овальным, а длинным и узким…

Вон он – пинцет!

Филат радостно потянулся к яйцу, но внезапно внутри коробки повисло грязное облачко, словно клок серого тумана. Серое на белом. Заплатка на пространстве. Одно из древних стожарских правил гласит: «Всегда опасайся неизвестного, как бы мило оно ни выглядело!»

Филат не стал рисковать. Решив, что это одна из охранных магий – очередная нежданочка любящей мамы, – он развернул руку и попытался изогнуть её так, чтобы не коснуться облачка. И действительно не коснулся! Облачко осталось на месте, однако из него метнулось алое жало – прямое, тонкое, раскалённое. Филат обладал реакцией стожара. Он сумел не позволить жалу вонзиться ему в руку, однако плашмя всё равно зацепил его запястьем. Наискось, с внутренней, самой уязвимой части.

То, что Филат испытал, было больше чем просто боль. Его будто ткнули раскалённой добела иглой и оставили её в ране. Какой уж там укус муравья-пули! Теперь он скорее согласился бы броситься в муравейник и пролежать там пять минут. Но сравнения – это уже потом. Сейчас же он только катался по полу, грыз здоровую руку – не ту, что была обожжена, – и даже закричать смог не сразу. Чтобы закричать и позвать маму, нужно хоть немного дыхания. У него же и дыхание парализовало.

А из грязного облачка в комнату уже втекало белёсое нечто. И оно искало Филата, безошибочно определяя его положение в пространстве. Со стороны это выглядело так, словно мутный, из грязного тумана вылепленный змей, сжимаясь и сплющивая себя, протискивается в замочную скважину.

Филат наконец смог втянуть немного воздуха и закричать – коротким сиплым криком, которого сам не услышал. Но мама услышала. Дверь слетела с петель. Мама застыла на пороге.

Увидела червя, почти добравшегося до её сына, и всё мгновенно поняла. Первым делом она выпустила в червя поток атакующей магии. Это были даже не боевые заклинания. Мама просто выжигала жалкого червячка чистейшим рыжьем.

Филат, знавший, как экономно, как истинный стожар, мама расходует магию, был поражён её расточительностью. Сотни магров в какого-то червя! От удара червя отбросило. Он дважды перекрутился. Мама один за другим всадила в него три штопорных сглаза. Однако попасть в червя штопорниками было сложно. Слишком трудная и узкая мишень. Рискните с пяти шагов точно попасть копьём в верёвку, и вам это будет ясно.

У мамы почти не оставалось магии. Какие-то остатки, конечно, имелись, но ни для чего серьёзного их бы уже не хватило. Тогда мама отчаянно размахнулась кувшином, который всё ещё был у неё в руках, и швырнула его. Кувшин пролетел сквозь червя и разлетелся вдребезги, ударившись об пол. Вылетевший из него джинн был ярко-алого цвета. Секунду или две он выбирал, на кого броситься. Потом бросился на червя, и оба исчезли в мгновенной схлопнувшейся вспышке.

Всё это Филат осмыслил позднее, когда боль отступила настолько, что позволила ему мыслить. Мама схватила Филата за руку и, что-то бормоча, начала тереть место ожога кольцом. Через несколько минут Филату полегчало. Он лежал бледный, вялый и потный. Потный настолько, что майка прилипла к животу.

– Дыши! – повторяла мама. – Просто дыши!

Филат послушно дышал. Маму била дрожь. Она не могла стоять и села на пол, прижав к себе Филата. Она сидела и покачивала его. Тот же скулил как щенок. Так прошло около получаса. Боль в запястье стихла, но ужас остался. Из запястья он переселился в душу. Заполнял Филата целиком при одной только мысли о змее. И Филат знал, что этот ужас не уйдёт долго – может быть, никогда.

– Тебе повезло! – сказала наконец мама. – Он прогрыз слишком узкую щель. Может, времени у него мало было? Будь он поопытнее, он прогрыз бы проход побольше и…

– Кто «он»?

– Один из гадов, обитающих в Теневых мирах. Это я виновата… Свела в коробке слишком много конфликтных магий и этим привлекла его… Но твари знали дорогу сюда и раньше, потому что с той стороны червоточина явно имелась… Теперь я понимаю, куда исчез тот алхимик! Бедолага и узнать не успел, какую гадость случайно сумел призвать!

Мама решительно поднялась, пошла в другую комнату и, достав из ящика стола документы, стала их сжигать. Свидетельство о рождении сгорело легко, а вот с паспортом, хотя и вытащенным из обложки, пришлось повозиться. Потом она занялась столом Филата и содержимым его рюкзака. Потрошила отделение за отделением. Филат, нянча болевшую руку, следил, как горят его тетради, учебники, диплом за победу в каком-то школьном конкурсе. Мама не пропускала ни одной бумажки.

– Это действительно надо? Мы уходим? – спросил Филат.

Мама кивнула, озабоченно водя дипломом над огнём. Он был на толстой глянцевой бумаге и горел куда хуже свидетельства.

– Я засветила слишком много рыжья. Скоро сюда нагрянут магзели. Оставлять ничего нельзя. Я потом и магией здесь ещё подчищу. А то найдут.

– Твари?

– Нет, магзели. А твари уже воспользуются их усилиями.

– А я только начал привыкать к новой школе и почти поверил, что меня зовут Николай… – грустно сказал стожар.

– Мне тоже здесь нравилось. Нечто вроде Ростова, но Ростов – шумный, крикливый, сентиментальный, а Магратов – он такой… призадумавшийся… как женщина, которая не знает, то ли ей обидеться, то ли простить… – сказала мама, но сказала как-то рассеянно и в прошед-

шем времени. Стожар ощутил, что с Магратовом она мысленно распрощалась и теперь её мозг прокладывает дальнейший маршрут.

– Зачем магзели пытаются отслеживать всю магию и всех магов? – спросил Филат.

Мама пожала плечами:

– Внешние цели, конечно, самые благие. Спроси у госмагов, и они тебе популярно объяснят, что это делает мир безопаснее. По оставленным образцам магии несложно вычислить преступника, что уменьшает незаконный оборот рыжья и сохраняет жизнь магическим животным. Но на деле тут всё не так просто. Словно кто-то неведомый, в кого они сами не до конца верят, шепчет магам: «Давайте вы сами себя закуёте в цепи!» Маги такие: «Э-э… А нам это зачем? Тотальный контроль и всё такое?» – «Ну как зачем? Тогда и вы ни на кого не сможете напасть, и на вас никто не сможет напасть! Разве это не здорово?» А маги: «Э-э… ну да… наверное, здорово!»

Мама вырвала из дневника последнюю страницу и замешкалась, прежде чем её сжечь.

– Надо же! А я даже оценки за полугодие не подписала! Скверная я мать! – сказала она, ставя закорючку и тут же скармливая страницу огню.

– Но магзели же и себе вредят? – спросил Филат.

– Разумеется. Но каждый из них сам по себе настолько маленький винтик, что не видит полной картины. Если свести управление магическим миром к единственной кнопке, то каждый, кто контролирует кнопку, будет контролировать и мир. Поначалу на каждое магсударство будет по одной кнопке, но со временем по естественному закону магополизации все кнопки сведутся к одному рычагу – невесть где расположенному. Ведь и магсударств на карте с каждым десятилетием становится всё меньше.

– И кто во главе всего? Фазаноль? – спросил Филат.

Мама уже заканчивала бросать в рюкзак вещи. Остальные же сложила в центр комнаты и обвела их магическим кругом. Когда Филат и мама уйдут, внутри круга вспыхнет белый жаркий огонь. Магзели найдут здесь только пепел.

– Понятия не имею! – ответила мама. – Меня больше интересует вопрос, куда девается вся та магия, которую выплачивают по магическим кредитам. Во всемирном масштабе это просто колоссальное количество магии! А там и с Фазанолем вопрос стал бы яснее!

Филат слушал вяло. Хотелось спать, но он знал, что ещё много часов будет нельзя. Может, повезёт вздремнуть немного в магтобусе?

– Нам пора… Вот сухая майка, а эту я давай сожгу! – сказала мама.

Филат послушно переоделся. Несколько минут спустя он как маленький шёл с мамой за руку. Ноги были ватные. Он шёл и думал о том, что никогда не станет выслеживать тварей из Теневых миров. Это он решил твёрдо. Ничего не стоит такой боли!

* * *

Ева привычно устроилась на заднем сиденье «Ровера». Рядом с ней разместились Тибальд со здоровенным чемоданом магического эксперта на коленях и Любора. Стожар с комфортом улёгся в багажнике, где он успел уже завести себе подушку и одеяло. Притворялся, что спит, но то и дело говорил колкости.

Бермята сидел за рулём и, управляя талисманами, дёргал переключатели. Вести магшину, в которой кроме тебя ещё два водителя-профессионала, – тяжкий труд. Они лезут тебя поучать, а ты напрягаешься и совершаешь глупейшие ошибки.

Любора ещё более-менее помалкивала, её больше магшин интересовали пушки, пулемёты и баллистика, Тибальд же вёл себя невыносимо. За пять минут он дал ровно тридцать советов.

Бетховенское лицо Бермяты становилось всё квадратнее, всё сердитее, а волосы – всё взъерошенней.

– Ты не мог бы помолчать? – наконец не выдержал он.

– Запросто! – охотно согласился Тибальд. – Если ты не будешь так дёргать магшину! Какая старушка учила тебя водить? Признайся, она была очень близорука?

Бермята рассердился и пересадил за руль Настасью. Настасья научилась управлять «Ровером» относительно недавно, поэтому послушно вертела руль и дёргала верёвочки с талисманами. Критиковать её Тибальду было скучно, и он замолк.

– Встройся в воздушный поток над городом и лети! Он сам нас принесёт куда надо! – сказал ей Бермята, кивнув на гибкий флажок на капоте, отвечающий за поиск ветров.

Настасья снизилась. Движение на малых высотах было интенсивным. То и дело выскакивали прыгающие такси с бешеными джиннами за рулём и перепуганными пассажирами на задних сиденьях. В допотопных ступах проносились ведьмы, многие из которых могли помнить Варфоломеевскую ночь.

– Старая школа! Крепких тогда магов выпускали, хотя и без мозгов! Летит в открытой ступе со скоростью сто пятьдесят километров в час – и тебя в упор не видит! – восхитился Тибальд.

Настасья торопливо дёрнула верёвочку высотного талисмана, уклоняясь от встречи с бешеным дачником, который, пристроив на крыше своей магшины трёхметровую трубу, сносил перед собой всё живое.

Впереди, прямо по курсу «Ровера», торчали четыре широких трубы тепловой электростанции. Из труб толсто валил белый пар. Он то прямыми столбами взмывал ввысь, то начинал жаться к земле. Вокруг труб неспешно прогуливались несколько огромных облачных фигур. Между ними носились облачные дети.

– Элементали воздуха! Обожают здесь с детьми гулять!.. Лепят им из дыма всякие штуки! Вон жирафа какого-то вылепили! А вон носорога! – пояснил Бермята.

– У элементалей воздуха есть дети? – удивилась Ева.

– Ну да. Они своих детей вечно переделывают. Из двух непослушных детей лепят одного послушного. Или там долепят ребёнку какой-нибудь талант. Или один талант отлепят, другой прилепят… Элементали же…

– У огненных тоже дети есть, – добавила Любора. – Но они за ними почти не следят. У воздушников детишки хорошие, спокойные, немного рассеянные. А у огненных – мелкие, гиперактивные и очень горячие. Вечно скачут туда-сюда и устраивают пожары. У нас даже отдельчик есть по работе с элементалями. Там сидит девочка двадцати годиков от роду и сочиняет элементалям, которым по сто миллионушек, инструкции, как им себя вести.

– И элементали её слушают? – удивилась Ева.

Любора ногтями вытащила из правого наплечного ствола муху и бережно выпустила её за окно.

– Огненные – нет. Сразу психовать начинают. Земляные – те вечно торгуются и выгод ищут. Мы вас послушаем – а вы нам за это: а) б) в) г)… Создайте условия! Ты такой: «Нет-нет!» – а они знай себе бухтят. Ужасные зануды! Все наши их дико боятся… Земляной элементаль будет тебе что-то доказывать сорок часов подряд, пока ты слизью под стол не стечешь. А вот воздушники – да. Обожают учиться. Скажи им какое-нибудь бессмысленное слово, например «крылозюабр», и они его будут года два обдумывать – и обнаружат в нём столько смысла, что «Война и мир» просто рядом не стояла. И ещё памятник тебе воздвигнут, но потом он развалится, потому что будет из тучек.

Стожар подпрыгнул в багажнике:

– Клянусь, я только что видел Пламмеля! Вот туда пролетел! – воскликнул он.

Тибальд схватился за вещун:

– На чём он был? На «Хаммере»?

– От «Хаммера» они давно избавились. В каком-то прыгающем такси. Выскочил, через крышу перескочил – и сразу вниз… Они были с Белавой, а за рулём Грун!

– Они нас заметили?

– Не думаю. В прыгающих такси нет времени особо по сторонам глазеть.

– А приметы их магшины?

– Жёлтая такая… Стёкол нет. Такси.

Тибальд разочарованно оторвал вещун от уха. Прыгающих такси, к тому же жёлтых, в Магскве было как блох. Они скакали, скакали, скакали. Искать бесполезно.

– А Белава и правда хороша! – мечтательно произнёс Тибальд. – Видел её как-то во время налёта на Магзо. Помню как сейчас… Грохот, взрывы! Грун и Ясень Перец в своём репертуаре, оружия у них вагоны! Какие-то куски атлантов проносятся. Воздух прожарен магией, ну и драконы добавляют огонька. Все оглохли, ослепли! Ну и я лежу такой застенчивый и романтичный, с шестиствольным сглаздаматом, палю во что придётся и потихоньку разношу Магзо по кирпичикам… И тут прямо на меня выскакивает Белава и смотрит таким вот взглядом. Такие глаза – непередаваемо! Я хочу выстрелить в неё – и не могу! Палец прямо замёрз на курке! Нет, думаю, пусть лучше я умру! Пусть меня убьют эти милые ручки!

Сработали электроприводы. Стволы на плечах Люборы повернулись и нацелились Тибальду в лоб. Некромаг закашлялся.

– С этого места можно чуть подробней, суслик? Как, интересно, ты рассмотрел её глазки, когда, по твоим словам, вы все оглохли и ослепли? – ласково пропела Любора.

– Это всё мои очки! – торопливо сказал Тибальд. – Они отразили магию, и я различал отдельные детали! А про Белаву – я не виноват! У неё врождённая приворотная магия! Говорят, мама Белавы была океанидой!

Медленным, полным угрозы движением Любора достала из кармана платок и, плюнув на него, вытерла Тибальду щёку. Бермята и Настасья деликатно отвернулись.

– Что ты делаешь? – испуганно спросил Тибальд.

– Делаю тебя красивеньким! У тебя на щёчке красочки! – грозно пропела Любора. – Милый, ты меня знаешь! Я не ревнива! Но если я ещё раз услышу про океанидушку и её дочку Белавушку, я вытащу твои глазки и положу их в баночку, чтобы они больше не смотрели по сторонушкам!

– Э-э… – растерянно протянул Тибальд. – Ты всё не так поняла!

– Я всё так поняла, – заверила его Любора, и обе её трубы взяли Тибальда на прицел. – Думаешь, три кило тротила для тебя хватит?

– Да ладно вам! Разве русалка и океанида не одно и то же? – выручая Тибальда, спросила Ева.

Тибальд ухватился за возможность перевести стрелки и притворился сердитым:

– Одно и то же?! Тела океанид полупрозрачны, как у медуз, и сотканы из океанской пены. Поэтому они любят лунные ночи, когда можно выгодно расположиться напротив луны, показав красивый силуэт. Их фигура, наполненная лунным светом, становится такой прекрасной, что моряки прыгают с кораблей в море. У Белавы – глаза океаниды… Хотя я не понимаю, конечно, как Пламмель может встречаться с девушкой, которая сырыми ест золотых рыбок! – поспешно добавил Тибальд, заметив, что гранатомёты на плечах у Люборы опасно задвигались.

– А что тут такого? Золотая рыбка – обычный карась, продающийся по цене лососёвых пород в пересчёте на килограмм живого веса, – философски заметил Бермята.

* * *

Дом в Выхино был виден издали. Торчал как огромная тёмная башня над лесом. Балконы – как скальные уступы. Когда «Ровер» подлетел, со всех балконов, уступов и с крыш в небо с карканьем поднялась огромная стая ворон.

– Колоритное местечко! – перекрикивая ворон, проорал Бермята.

– Колоритное? Вот садись за руль и паркуйся! И не привлекай внимания! – потребовала Настасья.

Пытаясь разглядеть что-нибудь кроме ворон, Бермята высунулся в окно и стал высматривать место.

– Ну что, мы уже куда-нибудь садимся? Я оглох! – сказал Тибальд.

– И не надейся! – сказала Настасья. – Бермята всё делает медленно и обстоятельно. Даже злится медленно. Обидишь его сейчас – а драться он начнёт только через десять минут, когда все уже забудут, что была ссора. А как он собирается в поход! Вот мои футболочки, вот прищепочка, вот пакетик для прищепочки! Вот скрепочка для пакетика, в котором хранится прищепочка!

Распугивая ворон, Любора бабахнула сразу из двух труб холостыми. Минуту спустя Бермята припарковался на крыше вагончика одной из ближайших строек. Рабочих на стройке не оказалось. «Ровер» не сильно бросался в глаза, и подъезд просматривался.

– Отличное место! Вероятность, что нас здесь заметят, – процентов пять! – самоуверенно заявила Любора. Тибальд, как эксперт, вначале хрюкнул, а потом заинтересовался формулой, по которой она определяет проценты. – Ну… на глаз… – осторожно ответила Любора.

– Теперь я буду знать, к кому обращаться с задачками по теории вероятностей! Например, какова вероятность того, что мне в суп сегодня упадёт метеорит? Видимо, один к двум. Или упадёт, или не упадёт!

Аэлла и Подарга дожидались их у подъезда. Крыльев они особо не прятали. Рядом столбиком застыла женщина с белым как мел лицом и таращилась на крылья. Подарга щелчком пальцев стерла ей память. Женщина сразу успокоилась и ушла.

У лифта, раз за разом нажимая кнопку, торчал долговязый подросток с велосипедом.

– Ой ты гой еси, Арсений Петрович-млад, не войдёшь ты в лифт сей переполненный! Ты ступи на ножки свои резвые и пойди по лестнице по каменной на этаж-то свой да на пятнадцатый! – обратилась к нему Аэлла и тоже щёлкнула пальцами.

Подросток недовольно закинул велосипед на плечо и, ни слова не говоря, потащился к лестнице.

– А этот даже не удивился! – воскликнула Любора.

– Жители нашего подъезда ко всему привыкли. Первый год, как мы поселились, тут психиатрическая «скорая» круглосуточно дежурила, а теперь хоть огнём дыши – никто и бровью не поведёт… – объяснила Подарга.

Кабина начала подниматься. Тибальд с интересом разглядывал кнопки.

– Что-нибудь подозрительное днём было? – спросила Настасья.

– Да вроде нет, – отозвалась Подарга.

– А коврик? – напомнила Аэлла.

– А! Ну да! Кто-то утащил наш дверной коврик… Будем считать, что ему он нужнее!

Выйдя из лифта, гарпии сразу направились в квартиру, однако Настасья не спешила:

– Защитный купол не трогали?

Аэлла вспыхнула.

– Ой ты гой еси, Настасья королевична! Хоть и долог у нас волос, да ум не короток! – произнесла она с достоинством.

– Аэлла хочет сказать, что древнюю магию лучше не трогать. Она будет расползаться по нитям, искрить, и недели на две будет возни. Это как со старой электрической проводкой возиться. Проще новую прокинуть, – расшифровала Подарга.

– Значит, купол вы не трогали?

– Вообще ни разу. Как один раз натянули – так и стоит. Разве что латаем временами.

– Отлично! – одобрил Тибальд.

Эксперт шагнул к двери и, не касаясь её, стал рассматривать. Свои очки с толстыми стёклами он сдвинул на кончик носа. Ева сунулась было вперёд, но Тибальд придержал её за локоть.

– Не подходи! – предупредил он её. – Размажет!

– Да тут же только дверь!

– Дверь тут тоже есть! – признал Тибальд и, сняв очки, протянул их Еве.

Ева увидела стального цвета купол, похожий на стенку мыльного пузыря. Пузырь окружал снаружи всю квартиру, не смущаясь ни бетонными стенами, ни крышей дома – всего этого для него не существовало.

– Вы в курсе, что такая магия запрещена? Она в списке особо опасных! – строго спросил Тибальд у гарпий. – Это всё равно что вместо мышеловки использовать нейтронную бомбу!

Гарпии наивно заморгали.

– Мыши – это такая дрянь! – грустно сказала Аэлла.

– Особенно без соуса, – добавила Подарга.

– Очень смешно! Имейте в виду, что завтра же эту магию нужно снять! Или мне придётся написать рапорт! – строго заявил Тибальд.

Гарпии торопливо заверили его, что снимут.

Ева неосторожно коснулась очков. Защитная магия раскладывалась на нити, перетасовывалась, вспыхивала. Ева словно пробивалась взглядом через бесконечный спутанный клубок.

– А вот этого уже не надо! – строго сказал Тибальд, отбирая у Евы очки. То присаживаясь, то поднимаясь на цыпочки, он долго разглядывал защитный купол, не пропустив ни одного участка.

– Действительно был гость! Входил здесь, а вышел тут… И как только уцелел!.. О, и его зацепило! Вот след! – Тибальд показал на маленькое красное пятнышко на дверном проёме.

– Кровь? – спросила Настасья.

– Сейчас определим! – эксперт коснулся оправы. – Нет, не кровь! Глина с высоким содержанием железа!

– Ты уверен?

Тибальд оскорблённо вскинул брови:

– Абсолютно! Нет, это был не человек-маг, и даже, думаю, не сказочник. Элементаль земли? Мм… возможно. Голем? Тоже возможно.

Аэлла развела руками защитный купол, пропуская их в квартиру:

– Только не пытайтесь повторять! Этому надо долго обучаться! Один палец неправильно поставишь – и…

– …пальца не будет, – попыталась угадать Ева.

– Палец как раз останется, потому что окажется внутри купола. Новенький прекрасный пальчик! – съехидничала Подарга. – Ладно-ладно… Уберём мы купол! Со временем!

Услышав, что кто-то пришёл, в коридор, хлопая крыльями, вылетели и другие сёстры-гарпии и стали показывать квартиру. Как и все магические жилища, внутри она оказалась просторнее, чем снаружи. Полукруглые каменные своды и тупиковые коридоры. От квартиры гарпий у Евы осталось смешанное ощущение. С одной стороны, это была квартира женская, уютная. Подушки в форме сердечек, ароматные свечи, диванчики. А с другой – запах в квартирке стоял берложный, затхлый. По углам торчали деревянные манекены, выглядевшие так, словно

их иссекали не оружием, а зубами и когтями. Между манекенами попадались ржавые части доспехов и кости.

– Это не наше… – поспешно объяснила Келайно, орлиной лапой закатывая под шкаф шарообразный шлем, прилагающийся к комплекту защиты антимаг.

– Может, по рюмашечке чайку? А то мы скоро улетаем! – предложила Окипета.

Пока Настасья с Бермятой пили чай, Тибальд, таская за собой чемодан эксперта, ползал по коридору. Осматривал его сквозь выпуклые очки, через какие-то мудрёные приборы и ворчал. Настасья же преспокойно сидела за столом.

– Не хочешь тоже чего-нибудь порасследовать? – спросила у неё Аэллопа.

Настасья цокнула:

– Зачем я буду лишний раз раздражать Тибальда? Ни одному специалисту нельзя показывать работу других специалистов в той же области. Каждый искренне убеждён, что все прочие его коллеги – халтурщики. На самом же деле все просто закостенели в рамках своего подхода.

– Но тебе же Тибальд не мешает?

– Это потому, что я гениальная… Можно мне вон ту пироженку? Почему на ней, кстати, следы пальцев? Её что, кто-то уже ел?

– Да нет. Это просто продавщица не хотела отдавать. Мы её малость перезомбировали, – сказала Окипета, а Подарга опять принялась ржать.

Немного погодя, когда Тибальд перестал ползать по коридору, все отправились смотреть золотое руно. Тускловато-золотое, отмеченное живородной силой первомира, оно висело на дальней от двери стене. Его толстая с завитками шерсть чем-то напоминала брови стожара, бакенбарды Пламмеля и щетину на подбородке Невера Нахабы.

– Можно я первый? – попросил Филат. – Интересно, помню я дорогу или нет?

Келайно, немного подумав, кивнула, загадочно усмехнувшись. Стожар шагнул в комнату. Ева думала, что он пойдёт к руну, но стожар его будто и не замечал. Казалось, он исполняет причудливый танец. Прыжок в одну сторону, в другую, поворот на месте, ещё поворот. Шаг назад. Его пальцы, руки, плечи, голова – всё ухитрялось двигаться, часто независимо друг от друга. Странные движения всё ближе продвигали стожара к цели.

– Надо же! Всё помнит! – одобрила Окипета – и, видно, сглазила.

Стожар, почти добравшийся до руна, протянул руку, чтобы его снять, но тут же неведомая сила подхватила его и, дважды ударив об пол и один раз об потолок, как нашкодившего котика вышвырнула в коридор.

– Готов! – удовлетворённо произнесла Келайно. – Может, теперь съедим стожарчика, раз он всё равно сломался?

– Келайно, не очерняй! – взмолилась Окипета.

– Напрасно ты руку прямо к нему протянул! Надо было в сторону. А остальное всё верно! Не забыл! – шепнула Подарга, помогая стожару подняться. У Филата был разбит нос, и на ногах он стоял плохо.

Протянув руку уже правильно – в сторону от руна, – Окипета сняла его и легонько встряхнула. По руну прошла золотистая волна – такая же появлялась на шерсти котошмеля, когда Ева его гладила. Филат, несмотря на разбитый нос, быстро втянул рыжьё пальцем и с невинным видом отодвинулся.

– Я, пожалуй, возьму немного на лечение. Магров сорок… Как пострадавший… – сказал он.

– Потерпевший ты, а не пострадавший… – проворчала Аэлла.

Любора восхищалась переливами золотого руна.

– Не волнуйтесь, мы за ним присмотрим! – успокоила она гарпий.

Келайно сильно напрягла извилины, пытаясь сказать что-то вежливое:

– Уж я не сомневаюсь, что ты за ним присмотришь, хорошенькие глазки! Но если ты протянешь загребущие ручки…

– Келайно, пойдём, мы тебе что-то покажем! – разом произнесли несколько сестёр и потащили Келайно прочь.

– Да что там такое… Где? Ничего я не хочу смотреть… – ворчала утаскиваемая Келайно.

Вскоре, когда между тучами электрической лампой зажглась луна, Аэлла распахнула балконную дверь:

– Сестрицы мои милые, сестрицы мои любимые! Уж не пора ли нам потешить наши крылышки?.. Мы вернёмся на рассвете!

С криками и воплями сёстры сорвались с места и, хлопая крыльями, умчались.

– Смена активностей! Да-а, каждое древнее семейство – это, конечно, глубоко укоренившийся тараканник! Ума не приложу, что с этим делать! – глядя им вслед, произнесла Настасья.

* * *

Описав над домом прощальный круг, Окипета щёлкнула пальцами. Свет в квартире погас.

– А это ещё зачем? Мы не договаривались сидеть в потёмках, да ещё при луне за окном! – забеспокоился Тибальд.

– Видно, они всегда так делали, когда улетали. За квартирой, скорее всего, наблюдают, – заметила Настасья.

– В чём дело, Тибальдик? В волка боишься превратиться? – поинтересовался Бермята. Положив себе на колени красный магстолет, он уютно устроился на полу перед батареей.

– Ну не то чтобы боюсь… Но если превращусь, возни со мной будет много. Поверьте, в темноте драться с волкодлаком – это не то, о чём стоит мечтать.

– Я хорошо дерусь, – заметил Бермята.

– А я плохо, – сказал Тибальд. – Волкодлаки вообще не умеют драться. То, что они делают – это совсем не драка.

– Кисочка, а ты не смотри на луну! – посоветовала Любора.

– Я стараюсь! – согласился эксперт магзелей и зажмурился, но луна за окном всё равно его волновала. Он тихо подвывал и щёлкал зубами. Любора, успокаивая, гладила его по голове.

– Ты за ушами меня гладь!.. Вот так… и холку… тьфу… то есть шею и верх спины… – советовал ей Тибальд. – И рассказывай что-нибудь!

Любора понятия не имела, что рассказывать. Из литературных произведений она помнила только строевой устав и пособие для пулемётчика.

– А стишок можно? – предложила Ева. – «Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел. Был сильный мороз…»

Тибальд поспешно зажал уши:

– Только не этот!

– Почему?

– Образы не те лезут… Зима. Лес. Мороз. Ещё небось ночь. И луна… И крестьянский мальчик идёт с упитанной лошадью один-одинёшенек…

Стожар заинтересованно повернулся к эксперту:

– Как всё сложно, дохлый хмырь! А если что-нибудь совсем детское? Например, «Зайку бросила хозяйка»?

– Не-е-ет! – забеспокоился Тибальд. – Зайка. Ночь. Луна. Кто питается зайками? Продолжить ряд?

– Тогда, может, колыбельную? «Баю-бай, поскорее засыпай»?

– Ни в коем случае! – толкая стожара локтем, зашипела Любора. – Не помнишь, чем она кончается? «Придёт серенький… кгхм… и укусит за бочок!»

Филат захохотал. Он свесился с ручки кресла животом, как кот. Потом соскользнул на пол – мягко и бесшумно, будто упавшее полотенце.

Настасья заявила, что ночь предстоит трудная и потому у неё есть интересная идея. Она немного поспит, а остальные покараулят. Потом она покараулит, а остальные поспят. И, не дожидаясь ответа, мгновенно заснула. Две секунды спустя все слышали только её тихое сопение.

– Какая чудесная способность! – позавидовала Любора. – А я вот не могу уснуть, пока не поем! – Левой рукой она наглаживала Тибальда за ушами, а правой закрывала ему глаза, чтобы его не тревожил лунный свет.

– Поесть? Убоись! Зачётная мысль! – воодушевился Бермята и ползком отправился искать холодильник. Непоседливый стожар из любопытства пополз за ним. Через некоторое время послышался звук удара лбом о железную дверцу, после чего кто-то назвал кого-то криптогамным зоопланктоном.

Вспыхнула узенькая вертикальная полоска света – это Бермята приоткрыл в темноте холодильник. Пару минут спустя полоска света исчезла, а Филат с Бермятой вернулись с кучей трофеев.

– Называют себя вегетарианками, а у самих холодильник набит колбасой! – восхищённо сказал Бермята.

– Разве называют? – усомнился стожар. – Вегетарианка у них только Окипета, да и то по настроению. А вот Келайно вообще почему-то ничего не ест. Поэтому от неё на всякий случай прячут всех соседей. Но не будем волновать нашего лунного друга! А то ему сейчас снова представятся ночь и луна.

Тибальд беспокойно зашевелился и издал краткий жалующийся скулёж, который издают волк или крупный пёс, когда хотят выгрызть из шерсти насекомое. Все поудобнее разместились на полу и начали есть. Вскоре к ним примкнула проснувшаяся Настасья.

– Ну всё! А теперь тишина! Распределяемся по квартире, слушаем и молчим, а то спугнём его, если полезет! Сигнал тревоги – четыре жёлтые искры в голову гаду! – сказала Любора.

– Почему жёлтые? – спросила Ева.

Вместо Люборы ответил стожар. Его голос звучал серьёзно. Филат обожал говорить так, что сразу невозможно было определить, шутит он или нет.

– Потому что жёлтый – цвет тревоги. Но для тебя сделаем исключение. Если кого-то увидишь – сразу начинай бегать и паниковать!

* * *

Ночь тянулась бесконечно. Сначала Ева пыталась прислушиваться, но быстро устала. Её отвлекали посторонние звуки. Тикали часы. Щёлкал зубами в темноте Тибальд. Ева легла на спину и стала разглядывать ползающего по пальцам котошмеля. Изредка он встряхивался, почёсывался – и тогда вспыхивал жёлтым. И всякий раз Ева ощущала пощипывание перетекавшего в неё рыжья. Котошмель резко стартовал с руки, вылетел в окно и вернулся с крупным мотыльком в зубах. Мотылька он съел, а крылья уронил Еве на нос.

Ева смотрела на смутно белеющий потолок, на свой боевой браслет из стальных пластин, скреплённых шнурком, и думала о том, что не хочет, чтобы сегодняшней ночью в квартиру к гарпиям приходил ночной взломщик. Ужасно не хотелось воплей, боевых искр, потоков рыжей магии и прочих эпических зрелищ.

Чтобы отвлечься, она стала вспоминать свою предыдущую, не слишком длинную жизнь. Если бы можно было странствовать по предыдущей жизни и ремонтировать свои неправильные

поступки! Зализывать раны. Ведь это же так печально, что ничего изменить нельзя! Если бы можно было что-то улучшить, загладить, распутать клубок!

Внезапно котошмель на руке Евы насторожился. Его уши как локаторы обратились к двери. Ева хотела обратить на это внимание Настасьи, но не успела. Настасья узкой рукой зажала ей рот. Что-то происходило в невидимом лабиринте. Что именно, Ева не знала, но из лабиринта дохнуло смертью. Над полом в воздухе прорезался узкий серый шов. Серое на сером в смазанных ночных тонах. И это серое слабо мерцало.

Едва Филат увидел серый шов, как в нём шевельнулся прежний, в Саратове испытанный ужас. Опалённое когда-то запястье прожгло острой болью. Казалось, боль никуда не уходила, а всегда жила в нём. Лицо сминалось как резиновая игрушка. Непокорные брови смиренно улеглись, пытаясь стать как можно незаметнее. Сам он тоже съёжился, сгорбился.

«Не бойся страха! Страх уничтожает тебя, но это оружие можно обратить и в обратную сторону!» – вспомнил он один из советов мамы.

Но сейчас это правило не работало. Ничего не работало. Глубоко дыша, чтобы страх не сорвал его в панику, стожар бесшумно соскользнул с дивана и на четвереньках пополз в коридор. Он ничего не соображал, но не ошибался. Лабиринт распутывал легко.

Прежде чем он выполз в коридор, со стороны входной двери что-то беззвучно лопнуло. Коридор залило выжигающим светом. Одновременно с этим что-то вспыхнуло и в комнате с лабиринтом. Серый шов наполнился мертвенным сиянием. Сияние было не таким ярким, как свет из коридора, но намного более противным, точно сочилась жижа.

Ева не могла ни двинуться, ни крикнуть. Даже вдохнуть не могла. То же самое происходило и с остальными. Гранатомёты на плечах Люборы не успели повернуться и застыли в промежуточном положении, целя в глухую стену.

В дверях выросла огромная фигура. Свет падал на неё сзади, и оттого фигуру было толком не рассмотреть. Ощущалось одно – её колоссальный размер. Фигура остановилась, озираясь. Оценила беспомощное положение Евы, Люборы и остальных – и сразу переключилась на заполненный мертвенным свечением шов.

Из шва толчками вылезало узкое существо – змей, будто вылепленный из лунной пены. У него были короткие лапы, но ими змей не пользовался и полз, извиваясь всем телом. Из его маленьких глазок, сидящих по бокам головы, изливалось голубоватое сияние – и как-то сразу стало понятно, что существо видит всё, что залито этим сиянием, и не видит ничего другого.

Ева ощутила, что пощады не будет. Это было даже не ощущение, а понимание сути вещей. То, что сработало с химерой, горгульей, котошмелём, хафгуфой, со змеем не сработает. Есть у тебя дар нравиться животным или нет – к змею это не относится. Живая ты или нет, мыслишь ты, спишь ли, говоришь ли что-то – для змея ты просто нечто, что должно быть сожрано и переработано в пенную плоть его серебристого тела. Змей полз стремительно, на ходу распахивая сложную, словно складную пасть. Челюстей у змея было два комплекта. Внешние – с широкими и мощными зубами для дробления пищи. Сразу за ними вторые – с зубами, тонкими как кинжалы. И наконец, последним выдвигалось узкое алое жало. Подползая к Настасье, змей примеривался вонзить своё жало в неё. Было ясно, что лишь только оно коснётся девушки – никакие амулеты удачливости, зелень или рыжьё её не защитят.

Невидимый лабиринт стал для змея сюрпризом. Его отбросило в одну сторону, в другую. Змей ускорялся, завивался петлями. Один раз он оказался совсем близко к Еве и хотел атаковать её алым жалом, но повернул морду не в ту сторону – и его опять отбросило.

На этот раз он случайно оказался у дверей, рядом с той неподвижно стоящей фигурой, увидел её, зашипел и бросился в атаку. Мертвенный свет столкнулся с золотым, выжигающим. Громадная фигура, получив удар тупой мордой в грудь, откинулась назад, зашаталась. Ева увидела красный глиняный контур, а внутри него ещё один, ледяной. Морда змея ударила по ледяному контуру, а алое жало вонзилось в центр фигуры.

Полетели осколки глины и брызги льда, мгновенно превратившегося в воду и пар. Устояв на ногах, фигура занесла руку и ударила змея посохом. Посох сиял так, словно был вылеплен из сплошного рыжья. Ева ждала звука от удара, но ничего не услышала. Посох дважды пронзил змея насквозь, рассекая пену, из которой тот был соткан. После второго удара посох в руке у великана померк. Послышалось шипение. По комнате разлилась душная вонь.

Змей застыл на полу. Обе челюсти хаотично щёлкали, а жало наносило уколы в пустоту. Наклонившись, великан внимательно посмотрел на змея. Затем на гаснущий, съёживающийся посох в руке. Попытался ударить змея в третий раз, но посох лишь слабо вспыхнул. Оглушённый змей зашевелился, приходя в себя. Великан заспешил. Крупными шагами прошёл через комнату, гаснущим посохом нанося по воздуху короткие удары. В воздухе что-то слабо вспыхивало и прогорало.

Великан подошёл к руну и сдёрнул его со стены. Вернулся к змею, руном обхватил его голубоватые, из лунного света сотканные бока и потащил змея к прорези в воздухе. В несколько приёмов протолкнул его туда и точно огромной иглой зашил прорезь несколькими движениями посоха. Как только это было сделано, посох рассыпался на множество холодных серебристых искр. Великан деловито огляделся и, запахнув плащ, направился к выходу из комнаты. Следовал он тем же путём, как и попал сюда. Новых троп не прокладывал, опасаясь магии.

Перед тем как уйти, остановился на пороге и долгим взглядом посмотрел на Еву. Он ощутила его взгляд – долгий, непонятный и, пожалуй, не враждебный. Потом повернулся и вышел, унося с собой золотое руно. Ева смогла двинуться не раньше, чем погасла последняя искра. Рядом с ней на полу сидела Любора и трясла головой. Чуть дальше точно мокрая собака встряхивался и щёлкал зубами Тибальд. Бермята помогал подняться Настасье.

Рядом с Евой возник стожар. Он уже вполне опомнился. На место прорези старался не смотреть, только бросил быстрый, исследующий взгляд.

– Хотите бобра и позитива? У нас увели золотое руно! Вы, конечно, поняли, что этот гигант был Албыч? Оттого и пятна глины, – сообщил он.

– А защитный купол? – спросил Бермята.

– На этот раз он с ним не церемонился. Просто как раскалённым прутом ткнул в пластмассу!.. О, да тут и в комнатке то же самое! Теперь понятно, как он прошёл через лабиринт!

Настасья хлопнула в ладоши. В комнате стало светло. Ева увидела, что в воздухе повисли оплавленные стеклянные нити – уничтоженная магия невидимого лабиринта.

– Вы это видели? Зоопланктон криптогамный! Мы ничего не могли сделать! Ничегошеньки! – воскликнул Бермята.

– Жаль, я выстрелить не успела! Даже зрачками двинуть не могла! Албыч мне взгляд заморозил! – пожаловалась Любора. Трубы на её плечах запоздало зашевелились, только выцеливать им было уже некого.

– И хорошо. Стрелять было бы идеей ОЧЕНЬ среднего масштаба! – сказала Настасья. – Ты его посох видела? Это был сгусток чистой магии примерно в пятьдесят тысяч магров… Им Албыч прожёг купол защиты и уничтожил лабиринт. И им же ударил змея!

– Но змей выжил! – сказала Любора.

– Вот именно! Всё, что Албыч сумел – это на минуту оглушить змея и протолкнуть его сквозь границу мира. Которую змей, однако, прекрасно сможет прорезать вторично.

– А зачем он обмотал его золотым руном?

– Это был единственный способ его взять. Змей не из материи нашего мира. У него только жало из нашей материи – им он и убивает, – сказал Тибальд. Он достал вещун и нерешительно вертел его в руке. – Придётся разбудить Невера Невзоровича. Советую зажать уши… Будет много новых слов! – хмуро предупредил он.

– А зачем будить Невера? – спросил Бермята.

– Только он сможет объявить Албыча в розыск!.. Похищение золотого руна – это очень серьёзно. Мы поднимем на ноги всю маглицию!

– Надеюсь, – сказала Настасья. – Но всё же прошу обратить внимание: Албыч спас нам жизнь.

– И похитил руно! – заявил Тибальд. – Помнишь брызги глины на защите? Думаю, он и вчера приходил, но, скорее всего, без посоха… Ему нечем было распутать лабиринт. Сегодня же он даже с куполом не стал церемониться – просто прожёг его.

Настасья кивнула:

– Возможно. Но отвечу вопросом на вопрос. ЗАЧЕМ ОН ЭТО СДЕЛАЛ? Возможно, Албыч прожёг купол потому, что чувствовал, что змей близко, а распутать магию не успевал.

Тибальд вдохнул через нос, вместе с воздухом набираясь храбрости для разговора с бешеным начальством, и снял вещун с блокировки. Но сначала он успел связаться с Нахабой, вещун затрясся, завибрировал, и из него стали высыпаться буквы. Тибальд торопливо разгребал их в кучки, и буквы складывались в слова.

– Невера Невзоровича будить не надо! – сказал он тихо.

– Почему?

– Он уже сам разбудился! Звонил мне три раза и пытался вызвать на работу. Вот этих вот слов не читайте… Это всякие начальственные вопли! Он очень несовременно относится к внукам волкодлаков. И это при том, что сам он, да простят мне нетолерантность, просто вонючий пустотелый вампир! – Тибальд торопливо сгрёб две кучки в сторону и застенчиво прикрыл их газеткой.

Любора включила свой вещун, и из него тоже посыпались буковки.

– У меня тоже куча оповещений! Сегодня ночью совершено нападение на ГХМВ 1 СО! Подробности неизвестны. Не выяснено даже, находятся преступники внутри или уже скрылись. Туда стянут весь московский магнизон. Отряд боевых магов готовится к штурму, но приказ пока не отдан.

– Почему?

– Так сразу нельзя. Нужно подготовиться! – серьёзно сказала Любора. – ГХМВ 1 СО – это первый Секретный Отдел Главного Хранилища Магических Вещдоков, где хранятся особо опасные артефакты. Выпустят какого-нибудь драконобойного джинна, который плюётся плазмой… И чем от него отбиваться? МСС?

– МСС? – переспросила Ева.

– А, так ты не знаешь! Магзели обожают аббревиатуры! Никогда не скажут просто «сглаздамат», а всегда МСС – Метатель Скоростных Сглазов! Не «замораживалка», а БМТ – Блокиратор Магии Температурный… Не амбал с фингалом, а КПРБКА – Коллега по Работе Без Карьерных Амбиций… Ну и так далее! – сказала Любора и побежала к балкону. Трубы на её плечах хищно вертелись. Из вещуна, который она держала в руке, продолжали сыпаться буквы.

Глава 5
ОМР при ММЦ имени Лиха Одноглазого

Молодой кот реагирует вообще на всё: на шевеление занавески, на скрип двери, на проходящие мимо ноги. И всё для него повод поохотиться. А старый кот реагирует только на мышь или на птицу, потому что знает, каких звуков надо действительно ждать. Так и люди. Они со временем реагируют только на то, что приносит им доход. А всё остальное списывают в утиль. И, между нами, это тупик.
Ветеринарные записи Павла Звенидрага

ГХМВ 1 СО размещался в ближнем Подмагсковье. Долетел Бермята быстро, правда, дважды приходилось зависать в воздухе из-за большого количества патрулей. Боевые маги, поднятые ночью по тревоге, были суровы и документы проверяли придирчиво. Куча задержанных джиннов-таксистов служили тому подтверждением. Заточённые в прозрачные сосуды, джинны психовали и, сгущаясь, клубились сизым дымом.

– Магжант Рыжов! Магрейтор Кузьменко! Ваши документы!

Бермята протягивал документ – маленькую карточку, в которой на фотографии прыгал ещё один Бермята, совсем крошечный. Магжант Рыжов и магрейтор Кузьменко брали его в руки и сурово рассматривали, пока атлант из усиления бестрепетно держал «Ровер» на прицеле искромёта.

– Ты поддельный? – спрашивали магжант и магрейтор, по очереди показывая документу язык.

Расчёт был на то, что крошечный Бермята на карточке начнёт либо дрожать от ужаса, либо кривляться. Способ был дедовский, но, как ни странно, работал, потому что поддельные магические снимки отличались большей эмоциональностью, чем выполненные в магсударственных ателье.

К счастью, документы проверяли только у водителя, но всё же стожар на всякий случай прятался за Люборой, прижавшись к могучей девушке, как птенчик к маме-птичке.

– Скажи спасибо, что тебя не накрыли! – сказала Любора.

– Это Рыжов и Кузьменко должны сказать спасибо! – заявил стожар.

– Это ещё почему? И что бы ты сделал, если бы тебя арестовали?

– Я бы вышел из магшины, подняв руки, и сказал атланту с искромётом: «Номер 321! У тебя молния в дуле застряла!»

– И он стал бы заглядывать в дуло?

– Ещё как стал бы! Некоторые, лапочки такие, даже пальцем её выковыривать начинают! Но сейчас операция «Перехват», поэтому в дуло заглядывать атлант бы не стал. Он обратился бы к старшему по экипажу. Атлант обязан это сделать, потому что застрявшая молния опасна для окружающих. А пока бы он обращался – у атлантов на это несколько секунд уходит, – я бы случайно задел ногой штабель банок с пленными таксистами. Ой! И всё разбилось!

– Атлант справится с джинном!

– Это кто сказал? Джинны – элементали воздуха… У них все кислородные реакции под контролем. Когда они очень сердиты, то могут слиться в одно существо, и… как бы это вежливо сказать… всем будет большая бяка! И этому экипажу в первую очередь.

– Ну и жульё же вы, стожары! – покачала головой Любора.

– А не надо было нас триста лет подряд ловить! Тогда бы мы были добрые и пушистые. А так вы сами запустили естественный отбор.

– Прилетели! – сказал Бермята.

«Ровер» нырнул вниз. Фары высветили обветшавшую стену с четырьмя круглыми башнями. Боевого значения стена давно не имела. Роль отсутствующих ворот выполнял шлагбаум, рядом с которым циклоп и атлант из оцепления с чудовищной силой таранили друг друга лбами, выясняя, кто умнее. Судя по количеству синяков у циклопа и выбоин на мраморной голове атланта, умны они были примерно в одинаковой степени.

ГХМВ 1 СО не отличался красотой. Массивные стены, крошечные окна – и ко всему этому пристроены колонны с коринфским ордером. Вокруг ГХМВ редкой цепью стояли атланты. На парковке беспорядочно приткнулись с десяток летающих магшин и знакомый громоздкий магтобус, который Ева уже видела в Кудрино. Тот самый, с невращающимися колёсами, на шинах которого белой краской было написано «ВЕРХ» и «НИЗ».

Туда, на парковку, Бермята и направил «Ровер». Большая группа боевых магов, высыпавшая при их приближении из магтобуса, рассыпавшись в разные стороны, чтобы не перекрывать друг другу сектор огня, взяла «Ровер» на прицел, однако когда из «Ровера» выбрались Любора и Тибальд, напряжение сразу спало. Любору и Тибальда здесь хорошо знали.

– О! Да тут весь наш отряд магического реагирования при Магсковском магическом центре имени Лиха Одноглазого! ОМР при ММЦ! – воскликнула Любора.

– Какого-какого Лиха? – удивилась Ева.

– Фамилия такая была у нашего основателя! Знакомьтесь! – Трубы на плечах Люборы, повернувшись, показали на подбежавшего к ним высоченного парня в броне-антимаг. На антимаге было множество копотных пятен и пробоин. Было понятно, что её владельцу много где довелось побывать.

– Знакомьтесь! Это наш Боня по прозвищу Разведка боем! Полное имя – Бонифаций! Очень крутой чел! Боня вечно первым рвётся в бой, и его сразу ранят! А магическая специализация у него знаете какая? Дыхание смерти! Он её сдал на троечку, но с ним почему-то никто не хочет целоваться!

Парень одарил Любору широченной улыбкой, что не понравилось Тибальду.

– Боня, сгинь! А то мне как раз одного скелета для раскадровки не хватает! – пригрозил он.

– А этих и запоминать бесполезно! – весело продолжала Любора, кивнув на группу крепышей в шлемах. – Наша группа магхвата! Бранибор, Бранимир, Браниполк и Бранислав! Когда они бегут всей толпой и орут, то враг сразу сдаётся, потому что понимает, что никогда не научится их отличать!..

Подошёл невысокий парень в шапке с прорезью для глаз и, приветствуя Любору, махнул ей рукой.

– О! Это наш снайперчик Златан. Никто никогда не видел его лица. Когда он бреется, то разбивает зеркало, чтобы враг не применил сканирующую магию… Даже цвет его волос составляет магсударственную тайночку! – похвасталась Любора.

– Он, случайно, не рыжий? – лениво спросил Филат.

Парень тревожно уставился на него сквозь прорези шапки.

– Сорри, если угадал… Златанами родители обычно называют рыжих, – пояснил стожар и тотчас, успокаивая снайпера, переключился на парня и девушку, стоящих поодаль. Девушка была невысокая, но решительная, с уверенными движениями и интонациями школьной учительницы. Волосы у неё были голубые. Парень же, длинный, тощий, несчастный на вид, чем-то напоминал грустного клоуна.

– Это наши Пьеро и Мальвина… Разумеется, прозвища! Но очень уж подходят! Мальвина вон даже волосы перекрасила.

– А у них почему антимагов нет?

– Потому что на штурм не хотят. Пьеро и Мальвина – маги ВБП – внешнего боевого прикрытия!.. – пояснила Любора.

Мальвина замахала руками и на кого-то сердито закричала.

– А чего Мальвина всё время вопит? – спросила Ева.

– Она не вопит. Она сублимируется!.. А вообще Мальвина ничего! Наш человек! Орёт про стерильность больше всех, а сама кормит лягушечек изо рта… А Пьеро вовсе даже и не нытик! Просто у него подсознание включено в речевую цепочечку и он говорит всё, что думает. А так он даже не болтливый, – сказала Любора задиристо.

Мальвина фыркнула и отвернулась. Ощущалось, что отношения у Люборы и Мальвины неидеальные.

– Мы все умрём! Нас всех убьют! – заунывно произнёс Пьеро. – Посмотрите, как солнце заливает тучи кровью!

Ева испуганно взглянула на тучи.

– Не слушай его! – отмахнулась Любора. – Обычный рассвет! Он вечно несёт какую-то пургу. А ещё страдает от великих вопросиков. Например, томатная паста и кетчуп – это одно и то же или нет?

– Нет, это совершенно разное! – сказал Пьеро, отвлекаясь от мыслей о смерти. – Хотя если хорошо задуматься, то…

Заметив, что Любора ехидно улыбается, Мальвина врезала ему локтем в живот.

– Заглохни! – шёпотом приказала она. – Думаешь, она над тобой издевается? Она надо мной издевается! – И Мальвина опять ему врезала.

Пьеро попятился.

– Дай же ему договорить! – возмутилась Любора. – Молодой человечек хочет высказаться! Чего ты к нему всё время лезешь?

– Хочу – и лезу!.. А ты не суйся! А то сглажу!

Мальвина извлекла затрёпанный томик стихотворных проклятий и начала его угрожающе перелистывать. Любора вскинула руки, показывая, что сдаётся.

– Очень опасная магия, – объяснила она Еве. – Чтобы снять сглаз в две строки, отвод должен быть в четыре! Это ещё терпимо, можно наизусть выучить. А если сглаз в двадцать строк? – И, схватив под один локоть Бермяту, а под другой стожара, Любора быстро потащила их прочь.

Мальвина сердито смотрела им вслед, потрясая в воздухе книгой. Рядом, успокаивая её, переминался Пьеро.

– Знаешь, зачем она нас под руки держит? – поинтересовался у Бермяты стожар. – Для магии мы теперь одна цель. На троих сглаза нормального не подберёшь… Надо сильно текст корректировать.

Бермята недоверчиво уставился на Любору:

– Слышала, что он говорит? Неужели ты так коварна?

– Приходится, – вздохнула Любора. – Я бы могла, конечно, в неё гранатой бабахнуть, но всё-таки мы подруги… А вот того друга я вам показывала? – она перешла на шёпот. – Осьмиглаз! Наш наблюдатель! Все чувства у него предельно обострены. – Любора кивнула на грузного мужчину, сидящего на складном стуле.

Мужчина напоминал горного тролля, только комнатных размеров: громадный нос, громадные губы, крошечные глазки, очень узкий лоб. На щеках куча бородавок, похожих на приклеившиеся камни. Волосы жёсткие, как половая щётка. Еве показалось, что эти волосы даже толще бакенбард Пламмеля, хотя цвет имели не рыжий, а какой бывает у окислившейся меди.

Над головой у Осьмиглаза вертелось шесть летающих глаз, которые вместе с его парой составляли заявленные в имени восемь. Изредка то один, то другой глаз поглядывал на хранилище и начинал скользить вдоль стены, подыскивая способ проникнуть внутрь.

Услышав, что говорят о нём, Осьмиглаз грозно поднялся со стула. Из-за коротких кривых ног он оказался не так уж и высок. Зато руки его были мясисты как два окорока, а шея такой толщины, что казалось, будто руки растут прямо из неё.

– Меня не обсуждать! – с угрозой пророкотал он.

– Осьмиглаз, не ворчи! Скажи хоть раз что-нибудь приятное! – попросила Любора.

– Это принципиально не мои проблемы, кому чего приятно! – отрезал Осьмиглаз.

Из-за магтобуса кругло выкатился Нахаба. С тростью, завершающейся литой головой грифа, в полной броне-антимаге, но без шлема. В руке головняк по рыжью держал вещун правительственной связи, отличающийся от обычного вещуна тем, что к нему был подклеен сборник сканвордов, использующийся для шифрования. Такой способ был признан надёжным. Для подслушивания Фазанолю и Пламмелю пришлось бы отыскать похожий сборник и разгадать его от корки до корки. Сборники же менялись каждые сутки. Таким образом, для того чтобы быть в курсе всех переговоров маглиции, гению злодейства пришлось бы добрых двадцать три часа из двадцати четырёх вспоминать, кто играл главные роли в фильме про мушкетёров или как зовут собачку эстрадной певицы, и у него не оставалось бы уже никаких сил для планирования преступлений.

Нахаба сурово зыркнул на Настасью и закричал на атлантов:

– А эти здесь откуда?! К ядерной бабке! А ну убрать отсюда всех посторонних!

Только атланты тронулись выполнять приказ, Нахаба сменил гнев на милость:

– А-атставить! Но имейте в виду: я вас не приглашал! Прекрасно обойдусь без вашей помощи!

– Мы не предлагаем помощи! – смиренно сказала Настасья. – В штурмовую группу тем более не рвёмся!

Головняк по рыжью дёрнул себя за мясистое ухо:

– Отлично! Можете остаться! Только попрошу учесть: операцией руковожу я!

– Убоись! – кратко отозвался Бермята.

Нахаба некоторое время напряжённо размышлял, в каком смысле воспринимать это «убоись!», но после решил, что в уважительном, и благосклонно кивнул.

– Начинаем штурм!.. Пятиминутная готовность! Бонифаций! Ты, как всегда, первый! За тобой группа – и замыкает Любора! – негромко приказал он.

Парень в покрытой копотью броне молча кивнул и выдвинулся вперёд. Бранибор, Бранимир, Браниполк и Бранислав выстроились за магтобусом и стали проверять амуницию.

– Осьмиглаз! Что в хранилище? – спросил Нахаба.

– На первый взгляд ничего подозрительного. – Там сейчас летает пара моих глаз.

– Проникновение было?

– Я принципиально не делаю выводов, что было и чего не было. Это пусть Тибальд заключение даёт. Он у нас эксперт!.. Дальняя дверь распахнута. Замок вырван с мясом. Это всё, что я вижу! – с вызовом ответил Осьмиглаз.

Нахаба взмахнул тростью.

– Через неё и пойдёт группа магхвата! Златан, почему не на позиции? Опять без оружия?! Где оно?! – рявкнул он.

Снайпер Златан куда-то исчез и вернулся с громадным штопорником, бьющим сгустками плазмы. Прицел на штопорнике напоминал громадный фонарь.

– Хорошая штука! Позволяет видеть сквозь предметы, ткани, даже сквозь броню… – объяснил он Еве.

Торопливо облачившись в броню, Любора заняла место сразу за группой магхвата и завертела трубами на плечах, готовая поддерживать группу беглым огнём.

– Тщательно проверьте здание! Лестницы, переходы, проходы… Атланты обеспечивают наружное прикрытие! Артефакты не трогать! Магические пломбы, если целы, не срывать!.. Если что-то срываете – всё под фиксацию! Осьмиглаз, под твою ответственность!

– Принципиально не беру на себя ответственность! – предупредил полутролль. – Откуда я знаю, что может потрогать толпа боевых магов и куда пальнёт из своих труб эта девица? Я их что, глазками останавливать буду?

Нахаба заскрипел зубами, обрывая его:

– Готовность десять секунд… Пять секунд!..

Бермята схватил Еву за руку.

– Зажмурься! Быстро! – велел он.

Ева послушно закрыла глаза, но несколько секунд ничего не происходило, и она осторожно приоткрыла один глаз. И именно в этот момент Нахаба рявкнул: «Штурм!» Пьеро разом вскинул оба длинных рукава. Мальвина завертелась на месте. Любора выстрелила из наплечных труб. Ко входу в ГХМВ пронеслись две ракеты. Земля вздрогнула. Что-то полыхнуло. Снявшись с места, отряд боевых магов пошёл на приступ и скрылся внутри хранилища. А ещё прежде основного отряда в хранилище бешеным колобком вкатился маг в сплошной броне.

Ева всего этого не видела. Глаз её словно залило молоком. Она вертелась на месте и глубоко дышала.

– Что… это… было? – с усилием выговорила она.

– Парализующая и слепящая ракеты, – объяснил ей Бермята. – Заодно выжигающий блок от атакующей магии… Магзели всегда их используют перед штурмом. Говорил я тебе: зажмурься!

Вскоре Ева прозрела. Рядом с ней обеспокоенно топтался Невер Нахаба. Головняк по рыжью то бросался к хранилищу, то возвращался и, ударяя по земле тростью, спрашивал у Осьмиглаза:

– Ну… ну… ну? Что там у них? Чего ты молчишь?

Осьмиглаз сидел на стуле и, сосредоточившись, управлял летающими глазами. Пальцы на его руках шевелились.

– Я молчу, потому что мне сложно болтать и работать! Если кто-то может болтать и работать, ему и задавайте вопросы! – ворчливо отвечал он.

Нахаба багровел, но сдерживался:

– У группы всё в порядке?

– Принципиально не делаю прогнозов! В настоящий момент потерь среди боевого состава не зафиксировано!

Настасья отвела Бермяту в сторону:

– Где стожар?

– Понятия не имею. Где-то стожарит, – отозвался тот.

– Этого-то я и боялась!

Внезапно Мальвина издала тревожный вопль и, на ходу вырывая из кармана бляшку, заставлявшую атлантов повиноваться, бросилась к магтобусу.

– Атланты, за мной! Здесь кто-то скрывается! – крикнула она.

Один из атлантов забрался под магтобус и за ногу вытащил из-под него крепкого парня. Из одежды на парне были только трусы и майка, а в ладони зажат стеклянный шарик. Парень смотрел на шарик и хихикал. Парня подтащили к Нахабе.

– Бонифаций, ты, что ли?! – зарычал Нахаба, всмотревшись в него.

Парень молчал и от шарика не отрывался.

– Да, это Боня! – признала Мальвина.

– К ядерной бабке Боню! Если Боня здесь, то кто тогда в магхране?! Мы все видели, как он туда вбежал первым!

Мальвина и Пьеро стали трясти Боню, однако он очнулся, лишь когда Мальвина отобрала у него шар и передала его Нахабе.

– Склеротическая магия! Не смотрите на шар, шеф… Держать можно – смотреть нет!.. Боня, почему ты без брони? Где твой антимаг?

– А… вот как это называется! – обрадовался Боня. – У меня его взяли… этот… как его… брови такие торчат!.. Дал заглянуть в круглый такой… не помню что!.. Я пытался оторвать от него этот… как его… но не мог! Не ругайтесь, командир! Вы же командир, да?

Нахаба не отозвался. Он смотрел на шарик и слабо дёргал головой, как будто его глаза прилипли и он не понимал, как их отлепить.

* * *

Раньше чем Нахаба окончательно отлип от шарика, из хранилища возник ещё один Бонифаций. Точнее, его покрытый копотью и выбоинами антимаг. Первый Боня с удивлением наблюдал за приближением второго. Рядом с закопчённым Боней шла Любора и по-дружески с ним переговаривалась.

– Всё нормально! Просветили все закоулки! Никого там внутри нет! – крикнула Любора ещё издали.

Приблизившись, второй Боня преспокойно стащил с головы шлем, и под ним обнаружился стожар. В другое время Нахаба стал бы вопить и грозить арестом, но сейчас он тупо смотрел в шарик, дёргал головой и пытался вспомнить, как называется чувство, которое он испытывает. Злобность, злостность, злючность?

Стожар забрал у него из пальцев шарик, и Нахаба очнулся:

– Я… разорву тебя на… на… на как их там?

– На «как-их-тамы» рвать меня не надо! – сказал Филат. – Антимаг может активной защитой шарахнуть… Кстати, там в кармашке огрызок яблока! Плата за использование! Огрызок так себе, зато с косточками. Их можно посадить!

Он ловко выскользнул из антимага и вернул его Боне. Тот двинулся на него как бык. Недаром он был магом первой атаки. Стожар легко, как от мотылька, уклонился от летящего в него кулака и ловко нырнул за спину Нахабе.

– Отставить, Бонифаций! Уволю к ядерной бабке! Будешь у меня всю жизнь у рыночного сканера дежурить! – рявкнул стожар голосом головняка по рыжью.

Маг первой атаки застыл как вкопанный, не разобравшись, какой из двух Нахабов на него наорал. Правда, теперь Филату предстояло улаживать дело с разгневанным начальством.

– Прошу прощения, что воспользовался вашим голосом! Прежде чем метать молнии, взгляните, что я принёс! – Стожар показал Нахабе большую зелёного стекла бутыль.

– Что там ещё? – спросил Нахаба.

– Джинн – хранитель музея. Его засунули в бутылку, но я его нашёл и спас. Если не от смерти, то от паров растворителя… Джинны не переносят сильных запахов. Они со всеми запахами смешиваются! – Филат зубами вытащил пробку.

Из бутылки вытек красный, до крайности разгневанный джинн в чалме, представившийся как Вадид ибн Ваиль. Кто заточил его в бутылку, он представления не имел, но осыпал негодяя проклятиями. Утверждал, что всё случилось мгновенно. Чтобы на ком-то сорваться, джинн попытался обстрелять Нахабу молниями, но был успокоен совместной магией Мальвины и Пьеро. Тогда, с восточным фатализмом смирившись с неизбежным, охающий джинн ветром повлёкся ко входу в хранилище, однако уже через несколько минут вернулся.

– Ну? Что пропало? – спросила у него Настасья.

– Ничего, о красивейшая! – с поклоном отвечал джинн.

Настасье такое обращение явно понравилось. Нахаба же шмыгнул распухшим носом:

– Ничего? Ты уверен?

– Я работаю в магхране больше двухсот лет, уважаемый! Я бы обнаружил даже пропажу волоска из мусорной корзины!.. Но ничего не исчезло, всё на месте!

Головняк по рыжью с облегчением провёл по лбу рукой, но от всех подозрений явно не избавился.

– Проверим! Равно как и то, насколько добросовестно ты исполнял свои обязанности! – буркнул он.

– Проверяй, о любезнейший! Да падут отныне мои обязанности на твою голову! – воняя растворителем, отозвался Вадид ибн Ваиль.

– К ядерной бабке! Если ничего не пропало – тогда какого дракона воры залезали в хранилище?!

– В запасниках ГХМВ 1 СО около семисот тысяч единиц хранения. Ещё точнее – семьсот тысяч сто семь артефактов! Вчера вечером было столько. Сейчас же их семьсот тысяч сто восемь! Ровно на одну единицу хранения больше!

– Тупость! Значит, кто-то преодолел серьёзнейшую многоконтурную защиту и влез в музей, чтобы подбросить один предмет? – спросил Нахаба недоверчиво.

– Ты узрел самую суть, о умнейший! Так он и сделал! – джинн поклонился, приложив руки к груди.

– С какой целью?

– О проницательнейший! Ответить на этот вопрос да поможет тебе твоя мудрость! В сговоре с похитителем я не состоял. Если бы я засунул сам себя в бутылку, я выбрал бы бутылку без резкого запаха и непрозрачную. Мы, джинны, ненавидим вонь и прозрачное стекло…

– Логично! Про кувшины и запахи… да… абсолютно согласна, – сказала Настасья.

Получив от неё поддержку, джинн склонился в благодарном поклоне.

У Нахабы завибрировал вещун. Надо отдать ему должное: когда дело касалось докладов, соображал он чётко и безошибочно.

– Так! Что мы имеем? Все семьсот тысяч сто семь артефактов на месте! Ничего не пропало! Даже появилось нечто новое! То есть я могу доложить своему начальству, что мы не только проявили оперативность и предотвратили ограбление, но и захватили у врага ценный трофей!

– Вне всякого сомнения! Раз уж артефактов стало больше! – улыбаясь, сказала Настасья.

– Хм… А мы сможем предъявить наш трофей?

Джинн покачал головой:

– Нет, о мудрейший Невер ибн Невзор! Злодей, проникший в хранилище, поменял сущности всех артефактов!

– Блии-и-и-и-ин! Гомункулус гуморальный! Врезать бы ему по лабильности да летальным геном! – не то в восторге, не в то в ужасе воскликнул Бермята.

– Как это – поменял сущности? То есть, допустим, какой-нибудь артефактный меч-головоруб уже не меч? – напрягся Нахаба.

– Так и есть, о проницательнейший! Ты постиг всю мудрость земли и всю сущность явлений, но да осмелюсь и я положить пять копеек своей глупости в сокровищницу твоей мудрости! Есть, например, меч-головоруб, а есть летающая зубочистка. И вот сущность меча-головоруба ныне в зубочистке. Ты возьмёшься за неё – и она оттяпает тебе голову… И таких предметов теперь более семисот тысяч… Плюс среди них один новый, который тоже, возможно, поменялся с чем-то сущностью.

Нахаба, до того рвавшийся на склад, раздумал туда заходить.

– А найти его мы сможем? – спросил он.

– Да, о величайший! Но это опасно. Ибо сии артефакты, как тебе известно, не просто так находятся в сём узилище. Это преступные и опасные артефакты!

– К ядерной бабке! – перебил Невер, трусливо косясь на задрожавший *вещун*. – Всё серьёзней, чем я думал… Но вор ничего не вынес? Точно?

– Сие так же верно, как и то, что всех нас заливает сияние твоей мудрости! – отозвался джинн.

Нахаба нахмурился, мнительно вглядываясь в джинна. Но тот, как и все джинны, был непроницаем. Точнее, слишком проницаем, чтобы что-то можно было усмотреть на его хитрой физиономии.

– Отлично! Тогда на этом пункте мы и построим отчёт о нашей… гм… победе. «Своевременные и оперативные действия, проявленные… гм… ну и мной в том числе, помешали злоумышленнику вынести похищенное…» Ну и далее по пунктам… Далее мы проведём инвентаризацию – неспешно, тщательно, с привлечением специалистов – и обязательно обнаружим лишний предмет!

– Так всё и будет, о разумнейший! Твои слова распутывают клубок наших недоумений! – язвительно произнёс джинн.

Головняк по рыжью кивнул, поднёс к уху вещун и откатился в сторону.

– Предчувствую, что за эту ночечку мы все получим благодарности! – пропела Любора. – Правильно сделанный докладик – это пятьдесят процентов военного дела!.. А Неверчик в этом соображает… Может, не будем говорить ему про… ну, что было в Выхино?

– Пока не стоит! – мягко сказала Настасья. – За это ведь ордена не дадут?

– Ни в коем случае. А вот по головушке настучать могут запросто. Надо, чтобы и Тибальдик помалкивал!

Любора отправилась искать Тибальда, а Настасья поманила к себе Вадида ибн Ваиля и отвела, точнее отбуксировала, его в сторону. Джинн тянулся за ней по воздуху как огромное летающее полотенце.

– Послушайте, Вадид! – сказала Настасья. – У нас с вами есть немного времени, пока Нахаба там беседует… Вы ведь джинн, не так ли? А у джиннов врождённый контроль пространства и объёма!

Рот джинна растянулся, обволакивая Настасью улыбкой:

– Мы все разные, о прекраснейшая!

– Вадид! Подозреваю, когда эксперты явятся к тебе на склад и будут там все трогать – начнётся ужас и кошмар.

– Жутчайший ужас и кошмарнейший кошмар! Ибо хоть они и будут, безусловно, осторожны – но что значит их осторожность, когда семьсот тысяч хитрых артефактов жаждут их погибели? Опять же, о мудрейшая, возможны тройные обмены, когда сущность меча будет в отравленной зубочистке, а сущность зубочистки, допустим, в футляре для карт… И когда эксперты попытаются…

– Я поняла! – перебила Настасья. – А как сам похититель смог их перетасовать?

– Одним-единственным заклинанием, о великая! Сложи пирамиду из песчинок, потратив на это годы, а любой мальчишка разрушит её в один момент!

– Это я знаю! Так что насчёт контроля пространства и объёма? – продолжала Настасья, отслеживая взглядом разговаривающего по вещуну Нахабу.

– Он у меня есть, о любезнейшая! Особенно в замкнутых помещениях. Хотя джинны не любят об этом распространяться! Это наша маленькая тайна! – ласково добавил джинн.

– Значит, ты смог определить, как выглядит артефакт, который появился в магхране! Возможно, не саму его сущность, но хотя бы форму?

Вадид ибн Ваиль опять сложил руки и поклонился, но уже не так низко и, похоже, без иронии.

– Уже сделано, драгоценнейшая! Разумеется, уважаемому Неверу ибн Невзору я об этом не скажу, дабы не испытывать его проницательности, но это нечто вроде шкуры!

Настасья напряглась:

– Какой шкуры?

– Бараньей или овечьей. Я не так хорошо знаю анатомию копытных… И да! Эта шкура, вероятнее всего, золотая! – добавил джинн вполголоса.

Настасья предупреждающе кашлянула. В их сторону шагал очень довольный чем-то Невер Нахаба.

– Нашему отряду объявлена благодарность за своевременные действия и победу над врагом, выразившуюся в захвате трофея! Как видите, мы можем прекрасно работать и без вашей сомнительной помощи! – съязвил он.

– Кто бы сомневался! – усмехнулась Настасья и, оставив Нахабу сиять дальше, отошла к «Роверу». Здесь Настасья заставила Бермяту поднять капот и притворилась, что её беспокоят плохо подвязанные талисманы. – Мой здравый смысл нервно дымит на балконе! – сказала она. – Получается, золотое руно было подброшено в магхран ещё до того, как его украли у гарпий и к ним явился Албыч! Примерно в то время, как они вылетели! Как такое возможно? Скажи, КАК?! И как Албыч заворачивал в него змея, если оно было украдено?

– Может, джинн ошибся или соврал? – спросил Бермята.

– Интуиция подсказывает, что нет. Хорошо бы его осмотреть, но нас не пустят!

Бермята повернул голову. Нахаба уже прыгал у входа в ГХМВ и лично помогал натягивать ограничительные ленты. Покончив с ними, он расставил вокруг атлантов с тяжёлым вооружением. Не забыл Нахаба и о себе. Раздобыл где-то сглаздамат, повесил его через плечо, а скулу измазал копотью, будто лично принимал участие в штурме. С минуты на минуту он ожидал приезда Маг-ТВ и хотел выглядеть наилучшим образом.

Рядом пролетел любопытный глаз. Нырнул под капот «Ровера», пристроился рядом с полётным амулетом и пристально уставился на Настасью. Притворившись, что не замечает его, Настасья внезапно захлопнула капот, заточив глаз внутри. Тот заметался внутри магшины, застучал.

– Может, выпустим? – предложил Бермята.

– Сам вылетит!

– Не сможет. Обычно в магшине под двигателем есть щели, но у меня магшина не совсем обычная.

– Нет уж, пусть посидит! Возвращаемся в Кудрино… Вон уже Маг-ТВ явилось! Смотри, как Нахаба приосанился!

Настасья позвала Еву и стожара, они погрузились в «Ровер» и улетели.

Глава 6
Кузькина мать, Мякишка и прочие якорные бабаи

Интересный момент. Когда я пристраиваю котят и вру, что это говорящие котята кота Баюна и египетской кошки-кладоискательницы, все их радостно разбирают и ужасно ими гордятся, хотя всю жизнь потом они молчат как партизаны, а песочек роют вовсе не потому, что там клад. А когда я случайно говорю правду, что котёнка подобрала на улице, мне приписывают какие-то сложные мотивы, которых у меня нет. И котят не берут.
Из уничтоженного дневника Настасьи

На завтрак были яичница из тридцати яиц, несколько банок кукурузы, варёная курица и пирог «манник».

– У нас всегда готовит Бермята! Кухня – это не моё! Секрет общего хозяйства: кому что надо, тот то и делает. Бермяте нужна магшина – он её чинит. Бермяте нужна еда – он её готовит. Мне нужно спать – я сплю, – сказала Настасья.

Возникла неловкая пауза, которую сгладил опять же Бермята, поинтересовавшийся, какие планы после завтрака.

– Отправляемся в «Тихую пристань». Поспрашиваем у игроков в фараон. Вдруг кто-то наведёт нас на след Албыча. Да и Колотило обычно в курсе всего, что его напрямую не касается…

– Колотило уже оттаял? – удивился стожар.

– Оказалось, на вампиров замораживающая магия действует не так уж сильно. С собой мы возьмём Еву!

Ева, подкармливающая козью голову химеры листьями фиалки, довольно мурлыкнула. Львиная голова открыла один глаз и покосилась на неё с удивлением. Что это за звуки такие?

– А меня что, не берут?! – возмутился стожар.

– Думаешь, Колотило забыл, кто покушался на его сейф?

– Но ограбил-то его не я! Нетушки! Если вы не возьмёте меня с собой, я в мороке карапуза лягу посреди Садового кольца, перекрою движение и буду орать: «Купите мне что-нибудь!» Вы будете умолять меня успокоиться, а я буду называть вас «мамочка» и «папочка»!

Настасья прикусила кончик косы.

– Так и быть! Мы тебя берём!.. Кстати, по поводу полежать и поорать – идея хорошая! Надо её опробовать, и прямо сейчас! – Из ящика стола Настасья достала песочные часы. – Начинаем! Пять минут жалости к себе! – объявила она и перевернула часы.

– На что жаловаться? – спросил Филат, деловито глядя на бегущий песок.

– На что хотите! Лучше на то, что вас действительно тревожит!

И все начали хором жалеть себя.

– Любимая женщина меня не замечает! Это Михайло Ломоносов в теле красавицы! Мне хочется трясти её, чтобы этот Ломоносов оттуда вылетел! – объяснял Бермята песочным часам.

– А я беденький-несчастненький! – вопил стожар, растирая по лицу слёзы. – Никто меня не ценит, дохлый хмырь, и все считают, что я что-то украл!

– Тема умниц и красавиц раскрыта не полностью! Где мой красивый характер?! Где моя прекрасная судьба?! – унывала Настасья.

Химера подвывала. Хвост-змея шипел. Козья голова равнодушно жевала скатерть.

Последняя песчинка упала в нижний сосуд. Настасья перестала унывать, убрала часы в ящик и захлопнула его.

– Всё! Пять минут жалости к себе истекли! Смена активностей! – объявила она и, достав вещун, вызвала такси. Ехать на «Ровере» было рискованно из-за глаза, до сих пор находящегося под капотом и явно продолжающего слежку.

Дрожание вещуна подтвердило, что заказ принят.

«Не отменяйте заказ в течение десять минут – или будете сглажены! Не опаздывайте! Одна минута ожидания – одно проклятье!» – сообщили рассыпавшиеся буковки.

– Удобная штука – магический сервис! Всё продумано, всё с заботой о магах! – похвалила Настасья.

Они вышли во двор и стали ждать магшину.

* * *

Не зная точно, куда свалится прыгающее такси, Настасья с Евой дошли до ворот. Мимо них по Садовому медленно проехала уборочная машина. Ева проводила её недоверчивым взглядом. Действительно ли это машина по уборке улиц? Или это дрессировщик из Магзо вышел на утреннюю прогулку со своим буйным слонопотамом, натянув на него морок? Пока твоя магия не дорастёт до четвёртого уровня, таких вещей никогда не узнаешь наверняка.

Ева поделилась своими мыслями с Настасьей.

– Ну да, – отозвалась та. – Принцип ты схватила верно. Тут главное – увидеть чудо в первый раз. Сломать лёд привычной логики. Когда лёд сломан – чудеса перестают таиться, и ты уже всю жизнь их видишь.

– А также слоников, белочек и призраков!

– Не без этого, – кивнула Настасья. – Иногда и слоников. Но тут надо без энтузиазма! Можно так головку перегрузить, что будешь потом до вечера булочками кидаться. Со мной так было одно время, когда я в Магзо за охрану отвечала. Сидишь с утра до вечера у сканера и вечно всех подозреваешь. Мама это или не мама. Ребёнок это или не ребёнок… Сачок у него в руках или какой-нибудь сдуватель, который он сейчас в дракона засадит. Иногда человек подозрительно выглядит, а на самом деле просто стесняется.

Издали донёсся звук, похожий на удары грома. Ева вгляделась в бензиновые облака на Садовом, и ей почудилось, будто между домами прыгает огромный шахматный конь. Сносит антенны и трубы, проминает крыши.

– О! Наше такси! – обрадовался Бермята. – Интересно, кто за рулём? Я ещё в школе учился, когда у нас в Минске появилось женское такси. И вот у меня заболело ухо, и мама, отправляясь со мной в магоклинику, решила вызвать девушку-таксиста. Типа забота о ребёнке, а то напугает меня какой-нибудь колдун-недоучка! Я представлял себе высокую темноволосую ведьмочку с тонкими запястьями, с белой кожей, с браслетиками на руках. И что же вы думаете? Приехала жуткая яга с глиняной трубкой в зубах, колотила по рулю и орала на древних языках… Одних кур мы передавили не меньше десятка! И всех забирала с собой на суп!

Что-то врезалось в дуб посреди двора. Ломая ветви, на клумбу обрушился жёлтый рыдван без колёс. Лешак Лёша, размахивая метлой, вырос рядом. Водитель вытек прямо через лобовое стекло.

– Прости, брат! Плохой парковка, брат! – обратился он к лешаку.

Тот взмахнул метлой, но она прошла насквозь, даже не зацепив джинна. Глаза его переплыли на щёку, потом на затылок – и тут джинн увидел стожара:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.